

Глава II

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ США НАКАНУНЕ XXI ВЕКА

Предваряя анализ взглядов американских ученых и политиков, хотелось бы сказать несколько слов об истоках американской концепции глобальной миссии. Это прежде всего идея «избранности» американской нации и определения Соединенных Штатов как «земли обетованной». История американского развития показывает, что ее хотели воплотить в жизнь сначала «отцы-пилигримы», пришедшие с этой миссией на просторы нового континента, а затем «отцы-основатели» американской республики, заявлявшие о мессианском характере американской революции, уникальности американской демократии. Идея «избранности» была дополнена декларацией о «явном предназначении». Все это стало основой политики Соединенных Штатов¹.

Как отмечает Э.Я. Баталов, Американская мечта проникнута духом национального морального превосходства, избранности и проистекающего отсюда мессианства. «Янки убеждены, — пишет он, — что Соединенные Штаты — “Град на холме”, путеводная звезда, по которой должны сверять свой исторический маршрут другие народы, а Америка имеет моральное право при необходимости корректировать его. Ибо для того она и послана провидением, чтобы, как заявлял президент В. Вильсон, “указать человечеству в каждом уголке мира путь к справедливости, независимости, свободе ... Америка должна быть готова использовать все свои силы, моральные и физические, для утверждения этих прав (прав человека) во всем мире”»².

Не отрицая положительных черт, присущих американскому обществу, следует подчеркнуть, что с самого начала идея распространения американской модели как образца «самого свободного, самого просвещенного и самого могучего государства на земле», носила наступательный, а часто и экспансионистский характер.

¹ Подробнее об основах теории «явного предназначения» см.: США: политическая мысль и история / Под ред. Н.Н. Яковлева. — М., 1976. — С. 53-145.

² Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта // США*Канада — экономика, политика, культура. — 2000. — № 11. — С. 19.

Как отмечали отдельные советские и западные исследователи — критики теории уникальности американской модели, вместе с экспансионизмом Соединенных Штатов развивался и «комплекс американского превосходства», который все более напоминал высокомерие. Думается, что, хотя в заявлениях американских лидеров и экспертов, занятых идейной разработкой современного варианта теории американского превосходства, делается акцент на «благожелательном», «либеральном» характере американской политики после окончания биполярности, эгоизм и снобизм по отношению к другим странам сохраняются и сейчас. Сохраняется и непримиримость по отношению к тем государствам и народам, которые не согласны добровольно признать главенство интересов США над своими национальными интересами.

В XX веке основным препятствием в реализации Американской мечты стал Советский Союз, что признается американскими политиками. Обращая внимание на факт «столкновения» Русской идеи и Американской мечты, Э.Я. Баталов пишет, что изначально Русская идея ориентировала государство и общество на проведение имперской внешней политики. Он ссылается на слова русского философа Н.А. Бердяева о том, что «русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величию русского государства, с исключительным значением русского царя. Империалистический соблазн входит в мессианское сознание... Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал»¹. На проведение имперской политики, сопряженной с применением силы, ориентировала и Американская мечта. Исходя из такой трактовки Русской идеи Э.Я. Баталов характеризует холодную войну, начавшуюся после окончания Второй мировой войны, не только как противоборство двух социально-политических систем и двух военно-политических блоков, ведомых сверхдержавами, но и как противоборство двух идей мессианства, двух глобальных сил, мнивших себя одна — «Градом на холме», другая — «Третьим Римом».

Два разных взгляда на мир, пути его развития и свою роль в мировых процессах, воплотившиеся в XX веке в политике двух

¹ Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта // США*Канада — экономика, политика, культура. — 2000. — № 12. — С. 33.

могущественных держав и определившие содержание мирового развития во второй половине XX века, продолжают существовать и после окончания холодной войны. Для одного носителя идеи — Советского Союза и его преемницы Российской Федерации в силу менее благоприятного исхода периода конфронтации Русская идея сохраняется более для консолидации внутренних политических и идейных ресурсов, для другого — Соединенных Штатов — Американская мечта сохраняет и внутренний, и внешний аспекты, причем ее внешнее, мессианское, проявление выступает на передний план.

Как ни парадоксально это звучит, но усилению идей гегемонизма и исключительности в последней декаде XX столетия предшествовали годы, когда в США высказывались мысли об окончании «американского века» и наступлении конца американской исключительности. Так, известный политический аналитик С. Биалер писал, что 1970-е и 1980-е годы ознаменовали конец американской исключительности в осуществлении внешней политики и что эра неоспоримого американского превосходства на международной арене осталась позади¹. Важнейшими факторами, определившими такую оценку советско-американского противостояния, были, несомненно, разрядка в двусторонних отношениях и достижение военного паритета между СССР и США.

Позднее Г. Киссинджер также отметил, характеризуя ситуацию в развитии международных отношений в 1980-е годы: «Когда международный престиж Америки опустился до самого низкого уровня, коммунизм начал отступать. В какой-то момент, в начале 1980-х, казалось, что коммунизм набрал темп и вот-вот сметет все на своем пути; и почти немедленно, в отмеренное историей время, коммунизм приступил к саморазрушению. В пределах десятилетия прекратила свое существование орбита восточноевропейских сателлитов, а советская империя распалась на части, теряя почти все русские приобретения со времен Петра Великого. Ни одна мировая держава не рассыпалась до такой степени полностью и так быстро, не проиграв войны»².

Если в начале 1980-х годов существовали тревоги относительно будущего Америки, во второй половине этого десятилетия

¹ Bialer S. Soviet-American Conflict: From the Past to the Future /U.S.-Soviet Relations: Perspectives for the Future. — Wash., D.C., 1984. — P. 21.

² Киссинджер Г. Дипломатия. — С. 695.

высказывались предположения об одновременном «упадке» сверхдержав, то после распада СССР идея американской исключительности и мессианства, особой роли США в мировом развитии получила новый импульс. Оценивая результаты холодной войны, Соединенные Штаты объявили о своей победе и заявили, что главным содержанием биполярной эпохи было не сдерживание советской угрозы и триумф над советской системой, а успех политики по распространению американской модели «в непокорном мире» и укрепление позиции США в качестве мирового лидера, создание процветающей, демократической зоны с рыночной экономикой.

Интересно, что самым значимым из всего исторического багажа американской внешней политики сторонники продолжения активной глобальной политики объявили наследие президента Трумэна и его администрации. Отмечалось, что дело, начатое Г. Трумэном, цели, провозглашенные им, одержали триумфальную победу и должны быть продолжены и после окончания холодной войны. Приводились слова госсекретаря США Д. Ачесона, сказанные им в 1947 году, о том, что строительство успешной развивающейся международной системы невозможно без Соединенных Штатов и именно создание такой системы должно стать целью американского лидерства. Высказывалась мысль о том, что любые попытки кардинальным образом изменить политику США после окончания холодной войны будут свидетельством непонимания существа их внешнеполитической деятельности, ее фундаментальных целей¹.

США объявили себя единственной страной, способной обеспечить международную стабильность, единственным бескорыстным государством, не имеющим склонности к развязыванию войн и конфликтов, а Россию в течение длительного времени продолжали рассматривать как страну, потенциально способную к агрессии и проведению имперской политики. Идеологи американской внешней политики определяли политику США как «движение локомотива мирового прогресса», поэтому завершение эпохи

¹ Цит. по: Schwarz B. Permanent Interests, Endless Threats. Cold War Continuities and NATO Enlargement //World Policy Journal. — Vol. XIV. — № 3 (Fall 1997). — P. 24-30.

биполярного мира расценивалось прежде всего как подъем на новую ступень в продвижении Соединенных Штатов к той модели мироустройства, которая является наиболее благоприятной для обеспечения их интересов.

Факт преобладания во внешнеполитической мысли и политике Соединенных Штатов игнорировать невозможно. Анализируя современный этап в реализации их глобальной миссии, следует помнить об исторических корнях политики, которая вызывает столько дебатов в самой Америке и в России, и о том, что США целенаправленно реализуют те глобальные задачи, которые были сформулированы на заре существования американской республики.

Как охарактеризовал поведение США в конце XX века Э.Я. Баталов, «опьяненные мнимой победой в холодной войне, Соединенные Штаты вновь чувствуют себя на коне. События последних лет, в частности агрессия (в рамках НАТО) против Югославии и пренебрежительное отношение к ООН, наводят на мысль, что международный курс этой страны в начале XXI века будет, по всей вероятности, густо окрашен в тона силового мессианизма»¹.

Раздел 3. Американские концепции глобального лидерства

Все существовавшие в конце XX века концепции глобального лидерства Соединенных Штатов были подчинены одной цели: так сконструировать политику США, чтобы укрепить позиции американского государства в качестве мирового лидера, создать благоприятные условия для продвижения и защиты американских интересов, максимально продлить «американский век» и предотвратить такой ход мирового развития, при котором американскому лидерству и могуществу мог бы быть брошен вызов или нанесен ущерб.

Соединенные Штаты являются сверхдержавой, имеют *превосходство (главенство)* во всех сферах международной деятельности, располагают максимальным *влиянием* на международные процессы. Эти две составляющие позволяют им пойти двумя путями: 1) путем гегемонии, которая является сложением двух начал — влияния и главенства, переходящего в господство над ми-

¹ Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта //США*Канада — экономика, политика, культура. — 2000. — № 12. — С. 33-34.

ром с неизбежными элементами диктата и/или подавления тех, кто не согласен; 2) путем лидерства, что предполагает наличие общих интересов у лидера и тех, кто за ним следует, добровольное признание с их стороны авторитета лидера, исключается прямое подавление тех, кто не входит в сферу влияния лидера.

Предваряя более подробный анализ существующих концепций, представляется необходимым пояснить использование категорий «гегемония» и «лидерство» в американской научной литературе и в настоящей работе.

К категории «гегемония» американские специалисты по международным отношениям обращаются нечасто по двум причинам: 1) традиционно она имела существенную негативную составляющую; даже авторы концепции гегемонии США заявляют, что целесообразность гегемонии для мирового развития можно признать только в американском варианте, а все остальные варианты гегемонии (например, советская) отождествляются с диктатом; 2) американское правило «политической корректности», действующее и в научном сообществе, заставляет большинство ученых, прежде всего либеральных, как можно реже обращаться к крайним категориям, поэтому они предпочитают говорить о «лидерстве», хотя по содержанию оно оказывается очень близким гегемонии, грань между признанным лидерством и господством гегемона становится едва заметной. Консервативные ученые, напротив, не пренебрегают категорией «гегемония», используют его для характеристики современной роли и политики США. Правда, в ходе политических дебатов в начале 2000-х годов республиканские политики, учитывая опыт поражения на президентских выборах 1996 года и стараясь снизить негативное восприятие американской гегемонии у других стран (КНР, Россия и европейские страны), предпочитали говорить о «золотом веке» Америки, а не об американской гегемонии.

Консервативная версия американской гегемонии и либерально-консервативная концепция глобального лидерства по содержанию близки друг другу, в их основе — гегемония США. Исходя из этого, в рамках данной работы автор иногда использует категории «гегемония» и «лидерство» как синонимы.

Принимая во внимание концептуальные нюансы, можно выделить три основных подхода в теоретической интерпретации американской глобальной стратегии.

Концепция «жесткой» (откровенной) гегемонии США. Она разрабатывалась учеными и политиками, по убеждениям представляющих правое направление традиционного консерватизма. Отдельно следует сказать о З. Бжезинском и М. Олбрайт, которых можно было бы охарактеризовать как либералов с крайними консервативными взглядами (в какой-то степени это относится и к М. Макфолу). Согласно этой концепции, США имеют исключительные права и возможности для формирования нового миропорядка по американской модели, в соответствии с западными ценностями, на основе уже имеющихся международных политических, военных и экономических организаций, которые доказали свою эффективность и обеспечили Западу победу в холодной войне. По мнению сторонников такого подхода, остальные члены мирового сообщества, в том числе Россия, не должны сопротивляться установлению нового нормативного порядка, а максимально встроиться в новую систему, чтобы не остаться «за бортом» и не проиграть от положения аутсайдера в мировой политике, так как впоследствии все равно придется играть по установленным правилам, только на менее выгодных условиях.

Либерально-консервативная концепция лидерства («либеральная гегемония»). Она была предложена либеральными учеными и политиками. В ее основе — также идеи гегемонии, оформленные в либеральных терминах: идеи американской исключительности и мессианства заменены идеями распространения демократии и рыночной экономики американского образца. Именно этой концепцией руководствовалась администрация Клинтона при разработке своей внешнеполитической стратегии.

Либерально-реалистическая концепция лидерства. Она отстаивается противниками гегемонии вообще и американской гегемонии, в частности, число которых среди американских ученых и политиков невелико. В основе этой концепции — более сбалансированная оценка ситуации в мире и возможностей Соединенных Штатов, признание необходимости отказаться от мессианских идей, не препятствовать укреплению других центров силы в мире и проводить политику встраивания США в концерт ведущих держав. Сторонники данной концепции, не отрицая сверхдержавности Соединенных Штатов, не признают за ними право на безальтернативное мирорегулирование, рассматривают современную ситуацию как переходную, в процессе которой

формирование новой системы международных отношений будет испытывать влияние главного полюса силы, но не будет (и не должно) определяться диктатом США.

Концепция «жесткой» гегемонии

Выразителями идей гегемонии, или американского безальтернативного лидерства, стали представители Республиканской партии и неоконсервативного направления в американской политической мысли. К числу последовательных сторонников идеи американской гегемонии можно отнести Г. Киссинджера, Р. Доула, У. Одоума, Р. Кейгана, И. Кристола, Ч. Краутхаммера, Дж. Муравчика, Х. Сичермана и др.

К 1992 году республиканские стратеги и консервативные идеологи не успели сформулировать привлекательную для американцев внешнеполитическую концепцию, что привело к их поражению на президентских выборах. Даже успех президента Буша-старшего в мобилизации стран – членов НАТО на проведение операции «Буря в пустыне» в 1991 году, когда Соединенные Штаты действовали как мировой лидер, был недооценен или проигнорирован американцами, хотя прецедент, созданный его администрацией, в либеральной интерпретации демократической администрации Клинтона станет основой стратегии по урегулированию международных проблем по-американски.

В то время среди большинства американцев не было желания видеть свою страну гегемоном, занятым мировым регулированием. Опросы общественного мнения, проводившиеся в 1992 году, показывали, что американцы не поддерживали идею американского мирового лидерства и связанных с этим финансовых затрат. Высказывалось мнение, что стране нужен президент, который будет больше внимания уделять внутренним, а не международным проблемам. Избиратели недвусмысленно заявляли следующее: «Теперь, когда холодная война окончилась, нам не нужен мировой лидер». В ходе опроса, проведенного Ассошиэйтед Пресс 10-14 июня 1992 года, был задан вопрос о том, какая из проблем будет решающей в ходе президентских выборов 1992 года. Ответы выглядели следующим образом: экономика – 39%, образование – 13%, здравоохранение – 13%, борьба с пре-

ступностью — 8%, окружающая среда — 7%, наркотики — 6%, гражданские права — 4%, внешняя политика — 1%¹.

Президента Буша упрекали в том, что он уделял слишком много внимания внешней политике. Окончание противостояния между СССР и США после распада Советского Союза и провозглашение американским президентом победы Соединенных Штатов в холодной войне не расценивались как самые важные события в деятельности американской администрации. Опрос, проведенный в июне 1992 года компанией «Си-Би-Эс ньюс» и газетой «Нью-Йорк таймс», представил неутешительные для Дж. Буша данные. На вопрос о том, чем было примечательно его президентство, 39% опрошенных ответили: «Ничем»; 29%: «Событиями в Персидском заливе». В целом, 57% участников опроса охарактеризовали его как «президента, который ничего замечательного не совершил». Только 4% опрошенных посчитали, что ему следует воздать должное за окончание холодной войны².

Более четкие очертания взгляды консерваторов приобрели в ходе подготовки к президентским выборам 1996 года. Сенатор Р. Доул опубликовал статью «Определяя глобальное будущее Америки», в которой он полемизировал с демократами, отстаивавшими идею «либерального/жесткого интернационализма»³. Многие республиканцы отмечали, что главный вопрос состоял не в том, как осуществлять ту или иную внешнеполитическую акцию (в одиночку или совместно с другими странами), а в том, как эта акция соотносится с американскими интересами в том или ином регионе мира, т.е. в основе политики США, по их мнению, должен быть национальный интерес. Р. Доул заявлял, что в тех случаях, когда международные организации (ООН) или страны (народы) обращаются за поддержкой к США, интерес страны должен быть на первом месте, и любые международные организации должны «работать» на интересы Соединенных Штатов.

Республиканцы в конгрессе, в принципе не поддерживавшие планы по использованию американских вооруженных сил за рубежом, одобрили коллективную акцию США и стран НАТО в

¹ White J. Still Seeing Red. How the Cold War Shapes the New American Politics. — Boulder (Co.), 1997. — P. 202.

² Ibidem.

³ Dole R. Shaping American Global Future //Foreign Policy. — № 98 (Spring 1995). — P. 29-43.

бывшей Югославии в 1995 году и позднее в 1999 году. Это было сделано не потому, что они приняли либерально-коллективистский подход администрации Клинтона, а потому, что это отвечало гегемонистским устремлениям Америки, для которой сохранение НАТО и присутствие в Европе все более рассматривалось как неперемненное условие закрепления лидирующего положения в мире.

Теоретики Республиканской партии заявляли, что США достигли такого уровня своей мощи, при котором ни одно государство в мире не было способно бросить им вызов, прежде всего в военной области. Они предлагали сконцентрировать усилия на закреплении существующего разрыва, предпринять дальнейшее наращивание военной мощи страны, укрепить позиции НАТО как сильнейшего военного блока. Они также высказались за то, чтобы сузить сферу приложения американских военных и экономических ресурсов, особенно в тех регионах мира, где у США не было стратегических интересов, и направить усилия на решение внутренних проблем. По мнению гегемонистов из числа республиканцев, мощь США дает им фактически неограниченные возможности в достижении своих целей, поэтому не следует заигрывать с Россией и другими государствами, так как они будут вынуждены и без этого подчиниться воле Америки. Последний тезис о неизбежности подчинения остальных стран военной и экономической мощи США не отвергается и сторонниками ограниченной гегемонии, хотя так открыто он ими не декларируется.

В республиканской концепции мировой гегемонии США, предложенной в ходе предвыборной кампании 1996 года, когда Р. Доул был кандидатом на пост президента от Республиканской партии, сохранялся тезис об устрашении потенциальных врагов. Более того — произошла реанимация «образа врага» в лице России в условиях, когда она очевидно не представляла прямой военной угрозы Соединенным Штатам и испытывала серьезные экономические трудности. Программа республиканцев по вступлению в XXI век, по содержанию и терминологии напоминавшая времена холодной войны, осталась непривлекательной как для большинства американской элиты, так и для общественности. В результате Р. Доул проиграл президентские выборы.

Разработкой концепции американской гегемонии занимались отдельные неоконсерваторы, чьи идеи использовались (не-

смотря на некоторую одиозность формулировок и оценок и неприятие значительной частью академического сообщества США) при разработке внешнеполитической программы Республиканской партии в 1996 и 2000 гг.¹.

По мнению известного политолога Р. Кейгана, должна сохраняться преемственность между победоносной стратегией США в годы холодной войны, успехом начатой администрацией Трумэна глобальной стратегии по распространению американской модели мирового развития и американской политикой после окончания периода конфронтации. Р. Кейган, предложивший термин «благожелательная гегемония», заявлял, что стиль американской гегемонии в годы холодной войны отражал демократизм правительства США; экономическая политика США вызвала к жизни мощный экономический подъем в Европе и Азии, что привело к относительному падению экономического потенциала самих США по сравнению с теми экономиками, расцвету которых они способствовали; военная стратегия США была направлена на то, чтобы предотвратить ядерную войну, что было сопряжено с большим риском для самих американцев; большая часть военных расходов шла на выполнение международных обязательств. Позитивное воздействие американского регулирования на мировое развитие, по его мнению, позволяло утверждать о необходимости продолжения политики гегемонии в XXI веке².

Согласно логике стратегии американского глобального лидерства, будущие отношения США-лидера с остальными странами будут развиваться по схеме: гегемония США – стабильность и процветание в мире – процветание Соединенных Штатов. Объявлялось, что процветание Соединенных Штатов невозможно без глобального процветания, свобода США невозможна без свободы других стран, национальная безопасность Америки не может быть обеспечена вне рамок международной безопасности, так как

¹ Взгляды неоконсерваторов были в свое время подробно рассмотрены рядом отечественных исследователей. См., например: Мельвиль А.Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов. – М., 1986; Современное политическое сознание в США /Отв. ред. Ю.А. Замошкин и Э.Я. Баталов. – М., 1980.

² Kagan R. The Benevolent Empire //Foreign Policy. – № 111 (Summer 1998). – P. 24-35.

агрессия в любом уголке мира порождает агрессию в других регионах мира.

Теоретики из числа неоконсерваторов, стоящие на позициях американского гегемонизма, отвергают любые идеи о многополярном мире, признают только однополярную модель, в которой мощь и авторитет США-гегемона будут определять весь ход мирового развития. Они не усматривают большой опасности в однополярной структуре мира, в гегемонии Америки, считают необоснованными и даже вредными попытки навязать американцам и мировому сообществу идеи о многополярном мире, о необходимости ограничить масштаб международной деятельности США. Р. Кейган, например, заявляет, что критики американской политики внутри США «подыгрывают» таким странам, как Россия, Франция, Индия и ряду других, противостоящих действиям США по созданию стабильного и процветающего мира, заботятся о повышении своего собственного престижа в мире за счет Соединенных Штатов, стремятся заполнить своим влиянием геополитическое пространство, которое может образоваться в том случае, если США уменьшат свое присутствие в тех или иных регионах мира.

Отмечается, что колебания и отход от позиции гегемона ведут к ослаблению позиций США в мире, к росту активности других держав, стремящихся бросить вызов их могуществу. Гегемонисты считают неприемлемым положение, при котором проведение нужных Соединенным Штатам военных акций может быть затруднено или невозможно без одобрения других стран, например, Франции, Китая и России. Они категорически против того, чтобы даже формально, на словах допускалась какая-то зависимость от мнения и решения других стран и организаций, так как, по их мнению, коллективизм в международных делах эффективен только при наличии твердого унитарного руководства сверхдержавы — США, и без него мир скатится к конфликтам и хаосу. Р. Доул заявлял, что прежде всего Соединенные Штаты должны решить для себя, что и как делать, и поставить перед выбором те страны, которые заинтересованы в коллективных действиях в конкретном регионе.

Главный теоретик американской гегемонии, З. Бжезинский, в своих трудах обосновал правомерность и необходимость проведения политики гегемонии США. Его взгляды были суммированы в уже упоминавшемся труде «Великая шахматная доска», в котором

он обобщил все написанное в 1991-1996 гг. об американской глобальной стратегии (гегемонии) и основных направлениях внешней политики США. Монография вызвала критику у большинства представителей американского академического сообщества. Однако следует признать, что политолог высказал в откровенной форме то, о чем в более мягкой форме говорили и писали многие американские политики и внешнеполитические эксперты начиная с 1991 года. Остановимся на некоторых положениях этого труда.

З. Бжезинский соединил идеи геополитики и либерального морализма. Он формулирует положение о закономерности американской гегемонии следующим образом: «Гегемония стара как мир. Однако современная гегемония Америки отличается стремительностью утверждения, своим глобальным характером, а также средствами ее реализации. В течение одного столетия Америка трансформировалась — не без влияния динамики международного развития — из страны, изолированной в западном полушарии, в державу, беспрецедентную по своему влиянию и масштабам»¹. З. Бжезинский выделяет четыре показателя уникального сверхдержавного положения США: 1) военная мощь, имеющая глобальный характер; 2) экономический потенциал, делающий США «локомотивом» мирового роста, несмотря на то, что в некоторых областях американская экономика имеет серьезную конкуренцию со стороны Японии и Германии (при том, что экономика этих стран не имеет глобального измерения); 3) технологическое лидерство; 4) универсальный характер и привлекательность американской культуры, прежде всего среди молодежи, что не позволяет ни одному государству конкурировать с США в глобальном культурном влиянии.

Следует отметить, что не только откровенные гегемонисты, но и умеренные политологи, такие как М. Мэнделбаум, Б. Рассетт, М. Уокер и другие, соглашались с заявлением З. Бжезинского о том, что превосходство США в указанных четырех сферах делает их не просто глобальной сверхдержавой, но и открывает уникальные возможности для деятельности в мировом масштабе. Они высказывали мысль, что со времен Древнего Рима ни одна из стран не имела такого решающего влияния на ход международного развития и не отличалась столь разительно в своей сверх-

¹ Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. — P. 3.

державности от других государств. Благодаря своему уникальному географическому положению Соединенные Штаты оказались защищенными от внешнего влияния и угроз, что позволило им занять центральное положение в международных организациях как военных, так и экономических, оказывать решающее влияние на формирование международного порядка, в который США привнесли и утвердили основные черты американской системы¹.

В концепции сторонников «жесткой» (можно также сказать — агрессивной) политики глобального лидерства утверждается, что американская гегемония кардинальным образом отличается от гегемонии советской, или любой другой имперской гегемонии прошлого: американская гегемония — «щедрая» или «благожелательная». По мнению сторонников такой трактовки американского лидерства, невозможно представить, чтобы такой же «благожелательной» по своей сути могла быть политика России, Китая, Германии, если бы они оказались в положении мирового гегемона. Тем самым признавалось, что, кроме США, нет страны в мире, которая обладала бы позитивным потенциалом для лидерства (как мирового, так и регионального), нет и государства, которое было бы готово взять на себя обязательства по руководству мировым развитием. Впоследствии тезис о благотворительном характере американского лидерства был использован и сторонниками более мягкого варианта гегемонии США из числа представителей консервативно-либерального направления, работавших на администрацию Клинтона.

После распада СССР, который, по определению гегемонистов, был «временным препятствием» для распространения американских (западных) ценностей и институтов, условия для реализации планов не рассматривались как идеальные. Главные вызовы США ожидалось из Евразии, где Россия занимает центральное положение, остается крупнейшей державой. З. Бжезинский определил Евразию в качестве основного объекта политики Соединенных Штатов в XXI веке и объявил ее «главным призом» американской политики в силу следующих причин: 1) Евразия — это богатейший континент, контроль над которым очень важен для экономического развития США, позволит существенно рас-

¹ The New Russian Foreign Policy. Ed. M. Mandelbaum. — N.Y., 1998. — P. 1-22.

ширить сферу американского влияния; 2) в Евразии находятся страны, потенциально способные пошатнуть позиции США и ослабить их влияние в мире; 4) кумулятивная мощь Евразии намного превосходит американскую. В Евразии З. Бжезинский выделил пять геостратегически активных игроков – Францию, Германию, Россию, Китай и Индию. В группу важных геополитических центров были включены Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран. В предложенном раскладе сил Россия была определена как основной геостратегический «игрок», несмотря на ее слабость и нестабильность, которая в случае восстановления своей мощи, будет оказывать заметное влияние на соседей на западе и востоке. Признав потенциальную возможность восстановления имперского статуса России, З. Бжезинский указал на нежелательность такого развития событий для Америки и Европы.

Успех политики США в Евразии увязывается с будущим мировым развитием не только Бжезинским, но и многими российскими и американскими геополитиками, так как Евразия остается крупнейшим и богатейшим материком, контроль над которым позволит США усилить могущество, продлить лидерство. По определению Бжезинского, «Евразийская дилемма» – расстановка «фигур на шахматной доске» в нужном порядке и манипулирование ими – это первая стадия американского глобального лидерства, которая призвана подготовить мир к переходу на новую, более высокую ступень в развитии международных отношений – ступень глобальной кооперации, когда не будет гегемонов.

З. Бжезинский убежден, что политика США должна создать такие условия американского господства в Евразии, при которых там не могло бы появиться государство, способное бросить вызов гегемону. Для достижения этого он предлагает сделать следующее:

- выделить геостратегически наиболее динамичные евразийские государства, чья настоящая или будущая мощь может привести к перераспределению влияния на континенте и в мире;

- сформулировать политику в отношении каждой из указанных стран, которая была бы наиболее выгодна для продвижения и поддержания американских интересов;

- разработать геостратегическую концепцию, которая позволила бы объединить в единую систему политику США на отдельных направлениях, сделать ее по-настоящему глобальной, всеохватывающей;

В общих чертах З. Бжезинский определил евразийскую стратегию США следующим образом: «Коротко говоря, евразийская стратегия США предполагает целенаправленное управление геостратегически динамичными государствами, осторожный контроль в отношении проблемных государств, преследуя двойной интерес — сохранение уникальной глобальной власти США в краткосрочной перспективе и ее инкорпорирование в институты развивающейся глобальной системы. Если выразить это в терминах, использовавшихся для описания отношений в темные времена существования древних империй, то три важнейшие задачи имперской геостратегии заключаются в том, чтобы предотвратить столкновение между вассалами, обеспечив их интересы в сфере безопасности; добиваться, чтобы государства-данники сохраняли покорность и были защищены; не позволять варварам объединиться»¹. Консервативный внешнеполитический аналитик Х. Сичерман добавил к этому, что Соединенные Штаты могут добиться успеха в Евразии, при условии, что «за спиной американской дипломатии будет тень вооруженных сил США (и НАТО)»².

З. Бжезинский объявил Соединенные Штаты последней сверхдержавой в истории человечества, миссия которой состоит в подготовке и утверждении нового мирового порядка, считая, что США должны претворять политику лидерства до полного торжества нового типа международных отношений, так как отход от этой стратегии может быть чреват серьезными мировыми катаклизмами. Автор отводит несколько десятилетий для достижения указанной цели, исключая возможность того, что те или иные государства могут быть не просто «шахматными фигурами», управляемыми из Вашингтона, а действующими субъектами (актерами) в мировом развитии, и Соединенным Штатам придется считаться с интересами и устремлениями других стран.

Несмотря на тенденциозность высказываний ученых и политиков, продвигающих концепцию откровенной наступательной гегемонии США, от которой стараются отмежеваться многие политические деятели и внешнеполитические эксперты, данная

¹ Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. — P. 39-40.

² Sicheyman H. The Revenge of Geopolitics //Orbis. — Vol. 41. — № 1 (Winter 1997). — P. 12-13.

концепция существует, и ряд ее положений был взят на вооружение администрацией Клинтона.

Думается, что предложенный З. Бжезинским и другими теоретиками вариант глобальной стратегии США отбрасывает американскую внешнеполитическую мысль и вслед за ней американскую политику в прошлое, к такому состоянию международных отношений, когда Соединенные Штаты должны противопоставлять себя и своих ближайших союзников тем, кто видит развитие международных отношений по-другому и не приемлет претензий США. Заявления Бжезинского о том, что США будут скованы в своих действиях военным и экономическим факторами, не успокаивают те страны, которые хотят сами выполнять роль лидеров на региональных «шахматных досках», а также те государства, для которых доминирование на Евразийском континенте неевразийской державы с завышенными претензиями не представляется наилучшей перспективой. Более того, глобальные претензии США могут провоцировать агрессивные действия со стороны других стран или группы стран, контролировать и остановить которые в условиях распространения ОМУ будет весьма сложно даже для США¹.

Как отмечают отдельные специалисты в области международных отношений в США и России, вызывает возражения не сам по себе факт сверхдержавности Соединенных Штатов: вопрос заключается в том, как будут использованы ими преимущества нынешнего положения. Высказывается мнение, что претензии на глобальное политическое и военное лидерство — это весьма опасная основа для американской политики, цели и пределы которой трудно четко определить и которая сопряжена не только с колоссальными расходами, но и сложностями разного характера: США оказываются ответственными практически за все события в мире, а их глобальное лидерство становится синонимом политики «мирового полицейского»².

¹ См., например: Рогов С.М. Ядерное оружие в многополярном мире // Независимая газета. — 1998, 5 июня.

² Conry B. U.S. «Global Leadership». A Euphemism for World Policeman // Cato Institute Policy Analysis. — № 267. — February 5, 1997.

Либерально-консервативная концепция лидерства

Вариант «скрытой» или «ограниченной» гегемонии, которую пыталась претворять в жизнь администрация Клинтона, получил поддержку у целого ряда специалистов по международным отношениям. Его сторонники предпочитают не рассматривать мировое развитие в координатах «однополярность vs. многополярность», что ставит обсуждение вопроса о характере современных международных отношений и роли США в контекст геостратегический. Они используют категории «односторонность vs. многосторонность (коллективизм)» в международных отношениях для обеспечения стабильности и безопасности как самих США, так и мировой системы в целом. Приглушен пафос американской гегемонии, усилен фактор взаимодействия США с другими странами (при том, что суть устремлений и амбиций сверхдержавы остаются неизменными), делается акцент на открытости и либеральности политики лидера.

В работах авторов либерально-консервативной концепции используется термин «гибкая политика» (*agile strategy*), призванная подчеркнуть свободу от каких-либо догм (чем грешат откровенные гегемонисты) и, следовательно, более либеральный характер американской политики. Сама по себе идея «гибкой политики» далеко не нова, однако обращение к ней в период правления администрации Клинтона не было случайным. В 1994—1995 гг. для характеристики политики США начинают широко использовать термины «жесткий интернационализм» и «жесткий коллективизм». Чаще всего об этом говорила постоянный представитель США в ООН М. Олбрайт. Ее заявления, сделанные в связи с действиями НАТО в бывшей Югославии, были весьма сходны с тем, что отстаивали сторонники откровенной «жесткой» гегемонии, и находились в некотором диссонансе со стремлением руководства США сделать американскую концепцию управления миром менее откровенно ориентированной на диктат и эгоизм их интересов. Те внешнеполитические эксперты, которые считали позицию откровенных гегемонистов контрпродуктивной (М. Олбрайт относили к этой категории политиков вместе со З. Бжезинским, который был ее научным наставником), занялись разработкой теории, более отвечающей международной ситуации в конце XX века и разумно сочетающей силовую и демократическую составляющие.

В одной из работ политолога Д. Эбшайра был детально рассмотрен вариант «гибкой политики»¹, и по ней можно было составить представление о том, как понимался либерализм политики Соединенных Штатов. Согласно его точке зрения, допускалась гибкость/маневрирование в действиях по обеспечению интересов США в мире, однако при защите жизненно важных американских интересов и при выполнении обязательств перед союзниками гибкость (как склонность к компромиссам) исключалась. В краткосрочной перспективе гибкая политика была направлена на продвижение интересов США в мире и отражение угроз американским интересам. В долгосрочной перспективе — на создание наиболее благоприятных условий для процветания Соединенных Штатов и обеспечения их глобальных интересов.

Внимательное изучение предложенной модели показывает, что в ней присутствуют почти те же идейные компоненты, что и у консервативных идеологов. Рекомендации Д. Эбшайра относительно идейного оформления политики США в мире сводились к следующему:

- факт лидерства Соединенных Штатов бесспорен, особенно в период неопределенности и переходности в развитии мирового сообщества, поэтому не следует делать на этом акцент, противопоставлять США остальному миру, прежде всего союзникам по НАТО;

- на первый план следует поставить продвижение институтов демократии в мире, которое может быть реализовано только коллективными усилиями на транснациональном уровне, что не только не исключает, а наоборот предполагает лидерство Соединенных Штатов;

- к числу основных угроз стабильному развитию человечества следует отнести проблемы демографии, телекоммуникаций, финансовых рынков, организованной преступности, этнических отношений, распространения ядерного оружия;

- хотя предпочтение следует отдавать невоенным методам, вооруженные силы должны быть готовы к выполнению быстрых и эффективных операций, для чего необходима их модернизация в соответствии с новейшими технологическими достижениями;

¹ Abshire D. U.S. Global Policy: Toward an Agile Strategy //The Washington Quarterly. — Vol. 19. — № 2 (Spring 1996). — P. 41-61.

– не следует отказываться от идей реализма, прежде всего от идеи «баланса сил» между ведущими мировыми державами. Мировая политика сохраняет элементы анархии, по-прежнему в международных отношениях наблюдается конфликт интересов различных государств. Это не означает, что война неизбежна, однако остается возможность возникновения военного конфликта – глобального или регионального. То же самое относится и к экономической конкуренции, которая останется характерной чертой международных отношений на долгие годы. В этих условиях нужна стратегия, которая позволит Соединенным Штатам успешно претворять в жизнь политику, направленную на обеспечение национальных интересов в ключевых для них регионах мира – в Европе, АТР и на Ближнем Востоке, т.е. обеспечить благоприятный для США расклад сил в мире;

– НАТО следует сохранить как эффективно действующий и живой институциональный организм и расширить ее состав, усилить политический аспект ее деятельности.

Большинство экспертов, работавших над внешнеполитической стратегией для администрации Клинтона, уделяли первоочередное внимание НАТО и роли в ней США. Эксперты из «РЭНД корпорейшн» и Гарвардского университета Р. Асмус, Р. Блэквилл и Ф. Ларраби выступили с идеей формирования сообщества демократических государств на базе НАТО и Европейского Союза¹. Они считали, что присутствие США в Европе позволит решить многие потенциальные проблемы:

- защитить от возможной угрозы новой гегемонии в Европе;
- предотвратить начало нового соперничества, военного противостояния или конфликта между европейскими государствами, для чего потребуются денационализация европейской внешней и военной политики;
- приостановить или замедлить распространение оружия массового уничтожения;
- сохранить доступ к запасам нефти Персидского залива и разумные цены на энергоресурсы;
- обеспечить создание открытой международной торговой и финансовой системы.

¹ Asmus R., Blackwill R., Larrabee F. Can NATO Survive? // The Washington Quarterly. – Vol. 19. – № 1 (Spring 1996). – P. 79-101.

ООН не рассматривалась сторонниками либерально-консервативной концепции как структура, на основе которой возможно демократическое преобразование международных отношений. Они не скрывали, что в такой большой организации США будет трудно добиваться единства мнений, обращали внимание на кризис организации, оказавшейся неспособной решить проблему Ирака и бывшей Югославии. В гораздо меньшей степени, чем откровенные гегемонисты, сторонники либерально-консервативного варианта лидерства делали акцент на том факте, что Россия и Китай имеют право вето в Совете Безопасности, сохраняя определенное влияние на процесс принятия решений в ООН, что ограничивает свободу действий США. Стремление к свободе рук, неудовлетворенность структурой, созданной в конце Второй мировой войны, объясняли начатую Соединенными Штатами кампанию по дискредитации ООН, а также то давление, которое они оказывали на выборы Генерального секретаря ООН и его действия. Хотя США пока не идут на полное отрицание необходимости существования ООН, престиж и эффективность этой организации, во многом благодаря усилиям Соединенных Штатов в конце 1990-х годов были очень сильно подорваны.

Согласно либерально-консервативной концепции, основные элементы американской стратегии – гибкость во взаимодействии с другими странами, с тем чтобы добиться от них понимания и присоединения к действиям США, и жесткость (в том числе военное воздействие) в тех случаях, когда затрагиваются жизненно важные интересы и планы; НАТО и ЕС были объявлены наиболее подходящими международными структурами, на основе которых возможно демократическое преобразование мира в соответствии с глобальными планами США.

Идеи, высказывавшиеся сторонниками концепции либерально-консервативного варианта глобального лидерства, вошли в официальную Стратегию вовлеченности и расширения или «доктрину Клинтона». В процессе ее разработки, определенное влияние оказывали следующие факторы: геополитический – сверхдержавное положение США; идеологический – историческая преемственность в американской внешнеполитической мысли, появление нового импульса к возрождению идей американской «исключительности» и «мессианства»; личностный – амбиции президента Клинтона и отдельных членов администрации,

а также роль экспертов и политиков, стоящих на позициях либерального морализма, например, Дж. Картера и тех, кто участвовал в формировании «доктрины Картера» в конце 1970-х годов, прежде всего З. Бжезинского.

Непосредственная работа над официальным документом не прекращалась начиная с 1993 года¹. Перед экспертами, привлеченными к разработке внешнеполитической стратегии для администрации Клинтона, была поставлена задача выработки оригинальной концепции, в которой уже известные идеи и подходы получили бы новую интерпретацию. Требовалось дать новое толкование американскому лидерству, сделать его более реалистичным, более притягательным для союзников и не вызывающим резкой негативной реакции у оппонентов, снять основные пункты критики и обвинения в гегемонизме, диктате, возврате к временам холодной войны, в пренебрежении к внутренним проблемам, экономическим факторам.

В августе 1993 года была создана специальная группа в рамках Совета национальной безопасности (СНБ) по разработке новой «большой» стратегии США на период после холодной войны. В нее вошли помощник по национальной безопасности Э. Лейк, сотрудники аппарата СНБ Дж. Рознер, Л. Фюрт, Дж. Стейнберг. Немало усилий было направлено на поиски удачного общего названия доктрины, которое бы отвечало основополагающему постулату «от сдерживания к расширению». Такие термины, как «демократический экспансионизм» или «жесткий интернационализм», были отвергнуты на том основании, что они акцентировали внимание на силовом аспекте политики США, на методах давления, порождали аналогии с терминологией времен холодной войны. Остановились на «распространении демократии» и «вовлеченности в процессы строительства демократических институтов в мире и развития рыночной экономики». Советник по национальной безопасности Э. Лейк рассчитывал на то, что новая стратегия позволит ему сыграть роль, аналогичную той, которую сыграл Дж. Кеннан и его концепция «сдерживания» в годы холодной войны.

Было решено сделать акцент на четырех направлениях американской политики продвижения демократии и рыночной эко-

¹ Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. — № 106 (Spring 1997). — P. 111-127.

номики: 1) укреплять сообщество стран с рыночной экономикой; 2) поощрять и укреплять новые демократии и общества с рыночной экономикой там, где для этого есть возможности; 3) бороться с агрессией и способствовать либерализации недемократических стран; 4) оказывать поддержку развитию демократии и рыночной экономики в регионах, вызывающих наибольшую тревогу¹. Была снижена доля глобализма в политике США, что позволяло сосредоточить усилия только на тех регионах, где были важные стратегические и экономические интересы. Такой подход освобождал администрацию от будущих неудач, подобных тем, что случились в Сомали и на Гаити. Наиболее привлекательным в предложенной стратегии для президента Клинтона была увязка экономических и внешнеполитических задач, перспектива сохранения лидирующего положения США в мировом экспорте.

В июле 1994 года, по настоянию президента Клинтона, концепция была оформлена в новый документ СНБ «Стратегия национальной безопасности вовлеченности и расширения» (A National Security Strategy of Engagement and Enlargement). Основным положением документа было утверждение о том, что граница между внутренней и внешней политикой стирается, укрепление национальной экономики необходимо для поддержания военной мощи, проведения внешней политики и поддержания мирового влияния США, активная международная деятельность обеспечивает расширение торговли и новые рабочие места для американцев.

Для признания разработанного подхода в качестве официальной стратегии администрации немало усилий приложил Э. Лейк. На это ушло почти два года: Белый дом представил два доклада, составленные на основе нового документа СНБ, — в феврале 1995 и в феврале 1996 года². На пропаганду стратегии была направлена деятельность вице-президента США А. Гора, отстаивавшего идеи и институты свободной торговли, укрепление торговых соглашений и союзов, подобных НАФТА и ГАТТ.

¹ Основы новой концепции были изложены Э. Лейком 21 сентября 1993 года во время выступления в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Гопкинса в Вашингтоне. Президент Клинтон представил новую американскую стратегию 27 сентября 1993 года на заседании Генеральной ассамблеи ООН.

² A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. — Wash., D.C., 1995 (February).

В сфере внешней политики активно действовала М. Олбрайт, сначала как постоянный представитель США в ООН, а с 1996 года как госсекретарь США. По мнению американских экспертов, назначение М. Олбрайт на пост госсекретаря США в значительной степени определялось не только ее личными связями в администрации и политико-академическом сообществе, но и необходимостью иметь человека, верящего в предлагаемую стратегию и готового жестко проводить ее в жизнь. Ее предшественника на посту госсекретаря У. Кристофера упрекали в нерешительности и излишней мягкости. М. Олбрайт удалось добиться многого: она активно включилась в кампанию критики деятельности ООН, фактически действуя в союзе с республиканцами в конгрессе, которые сделали из ООН «козла отпущения» за неудачи в разрешении международных конфликтов; выступила за применение военной силы в урегулировании конфликтов, в частности, в бывшей Югославии; возглавила жесткую линию на расширение НАТО, создание трансатлантического сообщества. Расширение НАТО было объявлено задачей № 1.

К 1996 году администрация располагала стратегией, получившей определение «доктрины Клинтона», которая, по словам заместителя госсекретаря С. Тэлботта, соединила в себе прагматический реализм и разумный идеализм, идеи распространения демократии и геоэкономику.

Победа Клинтона на президентских выборах 1996 года была расценена его администрацией как национальное признание выдвинутой ею внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов не только на конец XX века, но и на грядущее столетие. В дополнение к уже обнародованным документам в мае 1997 года Белый дом представил еще один важный доклад — «Стратегия национальной безопасности в новом столетии» (A National Security Strategy for a New Century), в котором были изложены основы политики администрации Клинтона на второй срок правления¹. В докладе были выделены следующие основные положения стратегии:

- США — нация с глобальными интересами;
- Задача руководства страны — поддерживать превосходство во всех сферах — дипломатической, технологической, индустриальной и военной для защиты интересов США;

¹ A National Security Strategy for a New Century. The White House. — Wash., D.C., 1997 (May). — P. 1-29.

– Для выполнения этой задачи США могут действовать как совместно с другими странами, так и в одиночку, когда это необходимо;

– Соединенные Штаты являются единственной страной, способной осуществлять мировое лидерство при разрешении международных проблем.

Администрация Клинтона выдвинула внешнеполитическую программу, целью которой было закрепить благоприятный для США расклад сил в мире и обеспечить возможности для контроля над развитием международной ситуации в соответствии с американскими интересами и планами. Важное место было отведено идеологическому компоненту – распространению американских ценностей и преобразованию международного сообщества в соответствии с американской моделью демократии и экономической системы.

Необходимость более широкого участия Соединенных Штатов в решении международных проблем, в поддержании международной стабильности обосновывалась тем, что мир (как состояние без войны или конфликта) – общая, неделимая категория, поэтому глобальный мир является важнейшим национальным приоритетом США. Отмечалось, что концепция коллективной безопасности, ставшая атрибутом эпохи биполярности, в основе которой были преимущественно несиловые методы, не отвечает требованиям современного развития международных отношений. Такие проблемы, как распространение ядерного оружия, урегулирование конфликтов, подобных югославскому, не могут разрешаться только несиловыми методами. Допускалось проведение военных операций для предотвращения попыток той или иной страны получить доступ к ядерному оружию или технологиям в нарушение Договора о нераспространении ядерного оружия. Объявлялись возможными и необходимыми военные операции в гуманитарных целях в ходе межгосударственных и внутригосударственных конфликтов (гражданская война), как это произошло в бывшей Югославии. Признавалось возможным участие США одновременно в нескольких военных операциях по обеспечению безопасности.

Основной стратегической задачей было объявлено поддержание превосходства во всех сферах – дипломатической, технологической, индустриальной и военной – для защиты интересов

США. Политика по обеспечению безопасности и процветания Соединенных Штатов включала шесть стратегических приоритетов:

- способствовать развитию мирной, единой, демократической Европы;
- содействовать формированию сильного и стабильного азиатско-тихоокеанского сообщества;
- построить новую открытую систему торговли для XXI века, которая принесла бы существенные выгоды для Соединенных Штатов и всего мира;
- поддерживать статус США как основной международной силы по обеспечению мира;
- повысить значение коллективных действий для урегулирования проблем безопасности, в первую очередь противодействия угрозам национальному суверенитету;
- усилить военные и дипломатические средства, необходимые для ответа на существующие вызовы.

Особое внимание было уделено экономическим факторам. Отмечалось, что процветание страны в XXI веке и ее лидирующее положение будут в значительной степени определяться способностью США успешно конкурировать с другими странами и одерживать победу в завоевании международных рынков. В качестве основной цели в области экономики объявлялось оказание последовательного влияния на американских торговых партнеров с тем, чтобы создать благоприятные условия экспорта для рабочей силы, фермерских хозяйств и компаний США. Соединенные Штаты должны занять центральное место в системе международных экономических связей, в деятельности международных торговых организаций, прежде всего во Всемирной торговой организации (ВТО).

В сфере безопасности расширение НАТО было определено как необходимый шаг для продвижения американских интересов в Европе, снижения или исключения риска нестабильности в ее восточной части. Отмечалось, что альянс должен обеспечить гарантии того, что Европа не станет зоной противостояния или противоборства великих держав, сферой столкновения их интересов.

Представленный администрацией Клинтона вариант внешней политики США был охарактеризован ее авторами – либеральными учеными как «демократическое лидерство». Американский контроль определялся как жизненно важный для остального мира. В частности, отмечалось следующее:

– отсутствие американского лидерства может привести к нарастанию нестабильности, повышению вероятности возникновения войны, что негативно скажется как на странах, прямо в нее не вовлеченных, так и на Соединенных Штатах, несмотря на высокую степень неуязвимости их положения по сравнению с другими государствами;

– уход Соединенных Штатов из мировой политики приведет к такому положению, когда страны, ранее пользовавшиеся «зонтиком» США, вынуждены будут искать новые пути обеспечения своей безопасности, укрепления своей военной мощи, что может привести к усилению гонки вооружений на региональном уровне;

– без американского контроля возможно усиление тенденции к распространению ядерного оружия, рост устремлений отдельных стран к обладанию оружием массового уничтожения любой ценой;

– США могут утратить свое лидирующее положение в мире за годы бездействия, и им будет очень трудно (или невозможно) восстановить свои позиции, когда они вновь захотят вернуться к активной политике.

– мировое лидерство потребует больших затрат от США, однако не следует преувеличивать финансовый ущерб от указанной политики, так как отказ от лидерства позволит сэкономить лишь 1-1,5% ВВП США, или 70-100 млрд. долл. в год, – сумму, незначительную для американской экономики.

Соединенные Штаты продемонстрировали желание и готовность бороться за укрепление своего влияния на мировые процессы, используя убеждение, экономические рычаги (прямая финансовая и экономическая помощь, оказание содействия в получении финансовой помощи от международных финансовых организаций, где у США преобладающее влияние), дипломатическое давление и военные методы. Они оставляли за собой право на односторонние действия. В такой трактовке американское глобальное лидерство приобретало черты «либеральной гегемонии» для добровольных адептов и «жесткой гегемонии» для недовольных и неприсоединившихся. Соединенные Штаты как бы давали понять, что не откажутся от своей исторической миссии, возможности преобразовать мир по-своему.

Таким образом, даже в трактовке либеральных политологов просматривалось стремление окончательно «сломать» существо-

вавшую структуру мирового порядка, но сделать это постепенно, эволюционно (хотя и твердо), по инициативе и под руководством США. Используя терминологию Х. Булла, прорабатывалась модель укрепления позиций «мирового общества». Непримиримость в достижении поставленных целей стала основным объектом критики со стороны тех американских специалистов по международным отношениям, которые не принимали любой вариант гегемонии, так как считали гегемонию опасным соблазном и предсказывали рост в мире оппозиции действиям США.

Раздел 4. Критика концепций глобального лидерства и итоги дискуссий

Либерально-реалистический подход

Среди представителей американской академической и политической элиты так и не было достигнуто согласия относительно того, какой должна быть политика Соединенных Штатов в XXI веке, хотя, как показало вышеизложенное, не было и непримиримого противоречия между сторонниками откровенной и скрытой гегемонии.

Число работ, в которых открыто критиковалась доктрина Клинтона, было невелико. Ряд специалистов в области международных отношений из ведущих университетов и научных центров придерживались отличных от официальных воззрений на то, какой должна быть политика США в меняющейся международной ситуации, однако подчас они открыто об этом не высказывались.

Критическое направление в американской внешнеполитической мысли можно было бы определить как либерально-реалистический подход или «реалистический либерализм». Наиболее уязвимым для его сторонников представляется положение об однополярности мира. Согласно их точке зрения, выстраивание системы международных отношений в виде пирамиды с Соединенными Штатами наверху не отражает основной тенденции развития мировых процессов, так как с распадом биполярной структуры начались необратимые процессы в различных регионах мира, которые привели к появлению и укреплению полюсов силы разной мощи и разного потенциала. Факт уникального по-

ложения США как единственной сверхдержавы, не рассматривается как показатель однополярности мира. Важнейшим фактором для стабильного развития мира объявляется баланс между несколькими полюсами силы — ведущими мировыми державами, среди которых США действительно занимают особое место. Подвергается сомнению право США выступать в роли «мирового конструктора» или «мирового судьи», чье видение международного развития является единственно правильным, а главное, «незаменимым» для обеспечения будущего благополучия мира.

И. Валлерстайн в этой связи отмечал, что гегемония в мировой системе определяется наличием державы, располагающей возможностями принудить другие страны к стабильному взаимосвязанному распределению социальной силы, что предполагает мир и стабильность в отношениях между великими державами. Непременным условием он назвал факт легитимности действий гегемона, когда главные участники международных отношений либо считают, что действия лидера отвечают их потребностям, либо полагают, что мир (история) неизменно и быстро движется в том направлении, которое они одобряют. Характеризуя ситуацию в мире после окончания холодной войны, И. Валлерстайн пришел к выводу, что было неправомерно говорить о гегемонии США, так как лидер находится в кризисе и в мире отсутствуют предпосылки для поддержания однополярности¹.

Критики либерально-консервативной концепции глобального лидерства Соединенных Штатов отстаивали свое видение политики, которая, по их мнению, отвечает долгосрочным интересам США и интересам международного сообщества. Так, авторитетный политолог К. Лейн, не принимающий глобальную стратегию и однополярность мира, предложил как более приемлемую стратегию «свободного балансирования» в качестве альтернативы гегемонии с демонстрацией превосходства США над всем остальным миром².

К. Лейн предлагает отказаться от гегемонистских амбиций, так как, по его мнению, это может привести к установлению раз-

¹ Валлерстайн И. Политические дилеммы на рубеже тысячелетий. — С. 179.

² Layne Ch. From Preponderance to Offshore Balancing. America's Future Grand Strategy // International Security. — Vol. 22. — № 1 (Summer 1997). — P. 86-124.

делительных линий между американскими союзниками и «аутсайдерами», в перспективе чреваты негативными последствиями, спровоцировать другие страны на противостояние США. Политолог считает, что Соединенные Штаты могут позволить себе стратегическую свободу (свободное балансирование) и не вступать в союзы и блоки, которые могли бы связать их жесткими обязательствами и возложить на страну тяжелое бремя экономических и людских затрат, отказаться от военных обязательств перед Европой, Японией, Южной Кореей; ограничить отношения, основанные на экономической взаимозависимости, которая в стратегическом измерении имеет негативные последствия для американской экономики; исключить сильный идеологический компонент, присущий откровенной гегемонии, прежде всего от насильственного насаждения демократии и американских ценностей в других странах; отказаться от прямого участия в миротворческих операциях принудительного характера для спасения «несостоявшихся» государств (подобно Сомали и Гаити), особенно с использованием военной силы.

Не отрицая того, что для США нежелательно появление регионального (в Евразии) или мирового гегемона, который мог бы представить угрозу американским интересам, К. Лейн, однако, в своем подходе отводит Соединенным Штатам роль наблюдателя и участника региональных процессов, а не жандарма, постоянно вмешивающегося в политику тех или иных держав. Ему близка модель развития международных отношений, в которой сочетается определенная свобода действий для США и соблюдение баланса сил между ведущими мировыми державами, в число которых включается и Россия.

К. Лейн убежден, что Соединенные Штаты не должны диктовать свои условия с позиции непререкаемого авторитета, согласие между ведущими державами должно оставаться неизменным условием обеспечения международной стабильности в многополярном мире. Политолог высказывался за то, чтобы часть полномочий, на которые продолжают претендовать США, была передана региональным державам и организациям, а отдельным государствам была бы предоставлена большая свобода рук, в том числе в обеспечении своей безопасности, так как некоторые страны, которых США стараются либо прикрыть американским «ядерным зонтиком», либо хотят держать под неусыпным контролем,

могут сами позаботиться о своей экономике и обороне. К. Лейн считает неизбежным расширение клуба ядерных держав в многополярном мире, и «жесткая» гегемония США, по его мнению, не сможет остановить этот процесс (в чем он оказался прав).

Это мнение совпало с позицией Дж. Кеннана, который писал, что для США нет ничего плохого в том, чтобы использовать благоприятный итог холодной войны для решения экономических и социальных проблем, а не строить гегемонистские планы: «Более всего желательным для нас является минимальная, а не максимальная вовлеченность в международные проблемы»¹. Позиция Дж. Кеннана была подвергнута критике, его обвиняли в приверженности изоляционизму. К. Лейн также оказался непопулярен со своими взглядами, хотя его концепция была одной из самых удачных формул американской «скрытой» гегемонии. Его вариант американской внешней политики содержал элементы «глобальности» (предотвращение появления гегемона в Евразии — глобальная задача, писал он, для реализации которой потребуется сложная политика в Европе, в Азии, на Ближнем Востоке, в отношениях с Россией), т.е. стратегия «свободного балансирования» не отрицала глобальный характер американской политики (*global outstretch*), но была направлена на освобождение США от бремени широкомасштабного лидерства и создания условий для свободного планирования своих действий в мире. Видимо, она показалась стратегам из администрации Клинтона слишком скромной для победителя в холодной войне.

С критикой идеей американской гегемонии и доктрины Клинтона выступал Ч. Мэйнс. Разбирая политику администрации Клинтона, которую он определил как «перевернутую с ног на голову», политолог заявлял, что вместо одержимости мессианскими идеями и использования силовых методов (прямого давления и военной силы) США следует направить усилия на достижение баланса между обязательствами и имеющимися ресурсами страны, которые весьма ограничены; сконцентрировать внешнюю политику на странах, определяющих развитие международной системы, — Китае, России, Японии, ЕС, Индии и ряде других; добиваться от Европы и Японии более весомого участия в проведе-

¹ Kennan G. *Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy*. — N. Y., 1993. — P. 183.

нии коллективных миротворческих акций; поощрять создание многосторонних региональных структур, препятствующих имперской политике в любом регионе мира и сдерживающих борьбу региональных держав за влияние; способствовать созданию панъевропейской структуры безопасности, которая выполняла бы функции ООН и НАТО, подобные тем, которые они осуществили в Боснии (в случае расширения НАТО, Россия и Украина, хотя и не получают реальных гарантий безопасности со стороны альянса, должны, как европейские державы, получить право голоса, равное голосу членов альянса при решении европейских проблем); добиваться сокращения ядерного оружия до минимальных объемов; повышать благосостояние американского общества за счет разумного сочетания внутренней и внешней политики, так как основная опасность для США исходит изнутри, а не извне¹.

С. Хантингтон также усматривал серьезные противоречия во взглядах сторонников глобального лидерства и политике США, которая, по его мнению, наглядно продемонстрировала расхождение между декларируемой стратегией «благожелательного лидера», носителя демократических ценностей, свободы и стабильности и истинными намерениями лидера. Политолог выделил следующие действия США, свидетельствующие о том, что они ведут себя как гегемон, не желающий считаться с другими странами²:

– принудительное внедрение американских ценностей и институтов демократии;

– оказание жесткого противодействия наращиванию обычных вооружений в других странах, с тем чтобы эти страны не смогли составить конкуренцию американским обычным вооруженным силам при том, что США и НАТО не дают гарантий безопасности и защиты странам, не входящим в Североатлантический альянс;

– нарушение принципа государственного суверенитета, вмешательство во внутренние конфликты отдельных государств, где США стремятся насаждать американскую модель демократии и экономики, свои моральные и культурные ценности;

– продвижение американских корпоративных интересов под прикрытием лозунга о свободной торговле;

¹ Maynes Ch. Bottom-up Foreign Policy. – P. 46-48.

² Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. – Vol. 78. – № 2 (March-April 1999). – P. 35-49.

- оказание давления на политику МВФ и МБРР также для продвижения корпоративных интересов США;
- вмешательство в конфликты, в которых США не имеют прямых интересов;
- оказание давления на другие страны, с тем чтобы навязать им экономическую и социальную политику, которая прежде всего выгодна Соединенным Штатам;
- расширение американской торговли оружием при одновременном проведении политики, направленной на ограничение возможностей других стран в этой области;
- оказание давления на выборы генерального секретаря ООН, при том, что США отказываются выплачивать свой взнос этой организации;
- расширение НАТО за счет трех восточноевропейских стран, манипулирование стремлением других европейских стран вступить в альянс;
- осуществление военной акции против Ирака и принятие жестких экономических санкций без учета интересов других стран в этом регионе (в том числе, из числа союзников США);
- деление стран по категориям, включая «несостоявшиеся государства» или «государства-изгои», которым отказывается в членстве в международных организациях в основном потому, что они не принимают лидерство США и мешают осуществлению американских планов.

Сторонники концепции «реалистического либерализма» убеждены, что эгоизм в политике США, осуществляемый в основном двумя методами – жестким экономическим давлением с введением санкций и проведением военных акций – в долгосрочной перспективе заведет страну в тупик и приведет к ослаблению американского влияния. Они обращали внимание на то, что от экономических санкций, инициированных США, например в Ираке, Югославии, страдали многие государства, имеющие экономические интересы в этих странах, в то время как Соединенные Штаты не несли ощутимого экономического ущерба.

Критики силового решения любых международных проблем, включая этнические, отмечали, что проводимая США политика в перспективе будет вызывать противодействие других стран, где существуют серьезные этнические и религиозные проблемы, решение которых может привести к вооруженным

конфликтам. Отдельные ученые высказывали мысль о том, что за фасадом американских деклараций об очередном «крестовом походе» в защиту прав национальных меньшинств кроется вполне определенное стремление создать предпосылки для вмешательства во внутренние дела отдельных государств, где этнические противоречия существуют, и тем самым исподволь добиваться ослабления тех региональных держав, усилению которых Соединенные Штаты хотели бы помешать. В разряд таких держав в будущем могут попасть Индия, Пакистан, Афганистан, Россия и ее ближайшие соседи на постсоветском пространстве, Китай, обе Кореи и другие страны.

Такую точку зрения высказывает, например, политолог Б. Конри. Она считает, что жесткая наступательная политика США с использованием военной силы в бывшей Югославии преследовала две основные цели: во-первых, продемонстрировать действенность и незаменимость НАТО и, во-вторых, на практике отработать технику проведения операций по урегулированию этнических конфликтов, когда НАТО вступает на территорию суверенного государства, т.е. фактически вмешивается в его внутренние дела и нарушает его суверенитет¹.

Идея расчленения крупных государств, которые по своей территории, природным ресурсам, населению превосходят или приближаются к США, а по военному и экономическому потенциалу могут соперничать с ними — например, Китай, Россия, Индия, встречается у отдельных американских ученых. Откровенно ее высказал только З. Бжезинский, однако, как признала Б. Конри, эта идея не чужда американским политикам, понимающим, что маленькие государства, разъединенные экономическими, политическими, а также этническими и религиозными противоречиями, позволили бы США в полном объеме реализовать планы мирового лидерства. Нельзя отрицать, что монолитность федеративного государства во многом зависит от внутриполитической и экономической ситуации, т.е. от самого государства, его лидеров и народа. Однако, как показали события в бывшей Югославии, внешнее воздействие и военное вмешательство могут иметь решающее значение для судьбы страны.

¹ Conry B. Op. cit. — P. 5-7.

По мнению либеральных реалистов, концепция «скрытой» гегемонии призвана в первую очередь завуалировать интересы США в области экономики. Вопрос об экономической составляющей американской стратегии глобального лидерства, о том, как соотносятся продвижение демократии и экономика в стратегии США, занимает не только американских ученых. Так, некоторые английские специалисты в области международных отношений, возражая против той модели демократии, которую продвигают США, отмечают: становится все более очевидно, что в глобальной стратегии Соединенных Штатов ведущее место занимает не геополитика, а геоэкономика. То есть стратегия США подчинена расширению и закреплению позиций американских компаний на мировых рынках, насаждению той рыночной модели в остальных странах, которая выгодна для реализации американских интересов¹.

Важность экономического компонента американской политики подтверждал президент Клинтон, заявивший в одном из выступлений, что «положение доминирующей мировой державы не продлится вечно, поэтому следует использовать эту возможность для того, чтобы Америка оказалась в центре всех возникающих торговых и экономических систем, так как это отвечает интересам безопасности США, необходимо для ее глобальной позиции и экономического процветания»².

Важный аргумент критиков американской глобальной стратегии — использование двойного стандарта, в результате чего одни страны (например Ирак) наказываются, но одновременно оказывается политическая и военная поддержка другим недемократическим режимам (в том числе на Ближнем Востоке). Английский политолог С. Смит считает, что, преследуя экономические интересы, США разрушили демократические режимы в Чили, Гватемале, Никарагуа. Характеризуя модель демократии в самих США и те демократические нормы, которые они пытаются распространить в другие страны, С. Смит заявляет, что Соединенные Штаты насаждают американский упрощенный тип демократии, в основе кото-

¹ Smith S. U.S. Democracy Promotion: Critical Questions / American Democracy Promotion. Eds. M. Cox, J. Ikenberry and T. Inoguchi. — Oxford, 1999. — P. 61-82.

² Wills G. Bully of the Free World // Foreign Affairs. — Vol. 78. — № 2 (March/April 1999). — P. 50-59.

рого формальное соблюдение всеобщего избирательного права, когда часто в выборах участвует половина или меньше половины населения (один из таких случаев имел место в США в 1996 году, когда в президентских выборах участвовало около 50% американцев). С. Смит обращает внимание на то, что демократическая модель, распространяемая США, — это модель демократии для элиты, когда сохраняется большой разрыв между верхушкой общества и остальным населением страны, не учитываются культурные и исторические традиции стран, приемлемость американских ценностей и норм. Он считает, что та концепция глобального лидерства, которую реализуют США, может быть охарактеризована как «культурный империализм». Ч. Мэйнс также посчитал сомнительными претензию США на универсальность американской культуры и утверждение, что она принимается большинством стран в мире. По мнению политолога, массовая культура, экспортируемая из страны-гегемона, представляет собой тяжелое бремя для многих стран (например, России и Франции), имеющих право на защиту и сохранение своих национальных культур.

С ними в принципе согласен американский политолог Г. Уилс. Он пишет, что истинный мировой лидер должен убеждать страны, которыми он руководит, а не действовать методом угроз, военных действий, подрывных акций против политических лидеров и правительств. Г. Уилс считает, что если такие методы можно было оправдать в эпоху биполярного противостояния, то после окончания холодной войны подобные средства достижения целей и распространения американских ценностей оправдать невозможно¹.

Интересны в этой связи более ранние рассуждения на эту тему И. Валлерстайна, писавшего, что часто, начиная «крестовый поход» по распространению либеральных идей, норм, институтов и утверждению демократии в мире, не говорят о том, что демократия и либерализм не только не являются двойниками, но и во многом противоречат друг другу. По мнению аналитика, либерализм был изобретен для противодействия демократии, для сдерживания «опасных классов» сначала в рамках ядра государств, а затем в рамках всей миросистемы. Либерализм предлагал ограниченный доступ к политической власти и к доле прибавочной стоимости на

¹ Wills G. Op. cit. — P. 56.

уровне, не способном угрожать процессу непрекращающегося накопления капитала и той государственной системе, где он развивался¹. В условиях, когда в миросистеме постоянно растет требование демократизации, установления демократии, способной дать равенство реальное, а не в соответствии с американской либеральной моделью, которая предлагает «отсроченную надежду», по мнению И. Валлерстайна, возможен рост антисистемных движений, дестабилизация мировой системы. И можно добавить — рост противодействия той модели демократии, которую продвигают США, объявившие западные (американские) либеральные ценности самыми универсальными и совершенными.

В целом критические оценки провозглашенной администрацией Клинтона глобальной стратегии сводились к следующему: 1) развитие демократии должно идти одновременно с социальными реформами, иначе демократические институты и ценности окажутся подорванными на начальном этапе развития и не исключено формирование авторитарного режима; 2) происходит отождествление демократии и западного (американского) капитализма, поэтому новые демократии, которые пытаются сформировать США, предназначены для обслуживания интересов мирового капитала; 3) весьма спорным остается факт конструктивного влияния внешних игроков, в том числе, Соединенных Штатов, на политическое и экономическое развитие отдельных стран; 4) пропагандируемый США тип демократии и экономики увеличивает разрыв, существующий между богатыми и бедными странами, т.е. не решает основной проблемы развития мирового сообщества.

Как значительный изъян стратегии глобального лидерства называлось пренебрежение к мировому сообществу и к собственному населению со стороны авторов и исполнителей этой стратегии. Выступая от лица международного сообщества, Соединенные Штаты фактически представляют интересы небольшой группы государств — Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии и ряда европейских государств, а по отдельным вопросам — Израиля и Японии; все остальные страны мирового сообщества, т.е. большинство, в которое входят и такие крупные военные и экономические державы, как Китай, Россия, Индия,

¹ Валлерстайн И. Указ. соч. — С. 181-182.

Иран, Пакистан и др., имеют для авторов данной концепции второстепенное значение и должны подчинять свои интересы Соединенным Штатам.

Не один раз в публикациях критиков глобальной стратегии, предложенной администрацией Клинтона, отмечалось, что в США концепция «скрытой» гегемонии не имела безоговорочной поддержки среди избирателей. В опросах общественного мнения, проводившихся во второй половине 1990-х годов, опрошенные американцы, признавая сверхдержавность США и важность распространения идей демократии и рыночной экономики в мире, высказывались за коллективный подход в решении проблем, подобных югославской (74%). Большинство (66%) заявляли, что их не волнует, что происходит в Европе, Азии, Мексике и Канаде, так как это почти никак не сказывается на их жизни. Обращал на это внимание и З. Бжезинский, отмечавший, что только 13% американцев поддерживали тезис о долге Соединенных Штатов в качестве единственной сверхдержавы продолжать роль мирового лидера в решении международных проблем. Большинство населения — 74% — считали, что США должны участвовать в решении международных проблем совместно с другими странами¹. По словам С. Хантингтона, складывалась иллюзия гегемонии, не имевшая прочной базы внутри страны. Правящая элита действовала независимо от желания населения, а принятие решений все более окутывалось завесой секретности.

Ч. Мэйнс обращал внимание на то, что в Вашингтоне идеи, обсуждавшиеся в недрах администрации, были недоступны даже для большинства представителей интеллектуальной элиты. Создавалось впечатление, что они формулировались не для того, чтобы усовершенствовать политику администрации, а использовались более для достижения определенных политических целей, для обеспечения победы той идеологии, которая устраивает правительство². Отмечалось, что, несмотря на окончание холодной войны, к середине 1990-х годов объем секретных документов вырос на 62 % и их число составило более 6 млн. единиц. Оказались забытыми опыт Вьетнамской войны и публикация секретных до-

¹ Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. — P. 211.

² Maynes Ch. A Closing Word // Foreign Policy. — № 106 (Spring 1997). — P. 8-21.

кументов Пентагона, которая показала, что неинформированность общественности, да и значительной части интеллектуальной элиты, позволила осуществить эскалацию войны, приведшей к неблагоприятному для США развитию событий.

Администрация Клинтона обвинялась в том, что она спекулировала на чувствах американцев, преувеличивая этнические, религиозные, культурные проблемы в отдельных государствах или регионах, зная, что многие американцы готовы выступить против геноцида или этнических чисток. При этом рядовые американцы не всегда разбираются в существе проблемы, не знают, где находится наказываемая страна, какие последствия регионального и геополитического характера могут иметь акции США и НАТО против нее. Так, по мнению Ч. Мэйнса, сильный акцент на этнических проблемах и связанных с ними конфликтах стал возможным из-за того, что в аппарате администрации, в целом среди ученых, занимающихся международными отношениями (особенно российскими и европейскими исследованиями), работало много выходцев из Европы и бывшего СССР, у которых, по словам М. Олбрайт, было развито «чувство вины за Мюнхен». Но большинство американцев вообще не знают, что это такое, да и сравнение современной ситуации с периодом конца 1930-х годов не выдерживает такой исторической аналогии.

Критики либерально-консервативной концепции подчеркивали, что США действуют, игнорируя в значительной степени и американское, и мировое общественное мнение. В ходе международной конференции, которая проходила в Гарвардском университете в 1997 году, представители России, Китая, Индии, Ирана, Японии заявляли о том, что политика США представляет угрозу для целостности государств, их суверенитета, независимости в осуществлении внешней политики и для их экономического развития. Например, известный японский дипломат посол Хисаши Овада отмечал, что после окончания Второй мировой войны США проводили политику «одностороннего глобализма», находясь в оппозиции коммунизму и поддерживая тенденции по созданию открытой мировой экономики, оказывая содействие экономическому развитию и укреплению международных финансовых организаций; однако после распада СССР американская стратегия стала напоминать политику «глобальной однополярности» по продвижению собственно американских интересов. По

мнению японского дипломата, в результате такой политики США могут оказаться изолированными от значительной части мира¹.

Аналогичную точку зрения высказали отдельные английские дипломаты и ученые, отметив, что только в США пишут о желании остального мира видеть их мировым лидером, за пределами же Соединенных Штатов больше говорят об «американской грубости и стремлении к единовластию», о «принудительном коллективизме»². Справедливыми, на наш взгляд, были слова С. Смита о том, что «американская политика продвижения демократии основывается на иллюзии, что политика и социэкономика существуют отдельно, и интернационализация этой иллюзии придает силу американской гегемонии в нарождающейся глобальной системе»³. Это признавал и С. Хантингтон, отмечавший, что большинство региональных держав не желает, чтобы США вмешивались в ситуацию в регионах и в политику отдельных государств; что американское присутствие в том или ином регионе или стране возможно только при согласовании действий США с интересами региональных лидеров⁴.

Снисходительная риторика о «незаменимости» Америки для мирового развития и обращение с американскими союзникам и сторонникам США как с «государствами-вассалами» или «государствами-данниками» вызывали особую озабоченность среди политологов либерально-критического направления. Политолог М. Дэннер справедливо отмечал, что действия администрации Клинтон в конце XX столетия напоминали имперскую политику, направленную на расширение сферы влияния США. Стратегия превосходящей роли США в мире возвращала страну в 1950-е годы, к директиве СНБ № 68, в которой были изложены основы политики сдерживания Советского Союза. Несмотря на новые усло-

¹ Цит. по: *Foreign Affairs*. — Vol. 78. — № 2 (March-April 1999). — P. 42.

² Приведенные точки зрения отдельных представителей академического сообщества не совпадают с официальной позицией, например, Великобритании, которая стала основным союзником Вашингтона в проведении американской глобальной стратегии в мире. Можно предположить, что и официальная позиция Японии может быть иной, когда речь пойдет о политике в отношении отдельных государств. Однако игнорировать имеющееся недовольство среди представителей внешнеполитической элиты ряда стран не следует.

³ Smith S. *Op. cit.* — P. 81-82.

⁴ Huntington S. *The Lonely Superpower*. — P. 41-43.

вия в мире, цели «большой стратегии» США оставались без изменения и сводились к тому, чтобы проводить политику, направленную на сдерживание государств, демонстрирующих устремления к повышению своей региональной или глобальной роли. Не были четко оговорены и пределы международной деятельности США. По мнению М. Дэннера, тезис о необходимости присутствия США «всегда и везде», чтобы остальные страны «не нервничали» и не предпринимали непредсказуемых действий, был использован сторонниками глобальной стратегии для того, что объяснить практически безграничную роль Америки в пространстве и времени¹.

Вырисовывалась перспектива расширения американского военного присутствия в Европе, на Ближнем Востоке, вмешательства в ситуацию в Центральной и Северной Африке, в Центральной Азии, прежде всего в Каспийском регионе, и, возможно, российского Кавказа. Ч. Мэйнс сравнил американских гегемонистов конца XX века с политиками кайзеровской Германии, так как, по его мнению, была заметна «интоксикация» военной мощью США, стремление доминировать над остальными, перечеркнув основы порядка, существовавшего после окончания Второй мировой войны².

О необходимости сузить сферу приложения американской политики писал авторитетный политолог Р. Хаасс, предлагавший сконцентрировать усилия США на решении нескольких проблем, в частности — на отношениях с Китаем, который в перспективе мог бросить вызов мировой позиции США, на развитии мировых торговых рынков (деятельность США в рамках ВТО и НАФТА), на контроле над Ближним Востоком как основном источнике энергоресурсов для США³.

Сохранение роли концерта ведущих мировых держав в регулировании мировых процессов поддерживал Г. Киссинджер. Он

¹ Danner M. Marooned in the Cold War. America, the Alliance, and the Quest for a Vanished World //World Policy Journal. — Vol. XIV. — № 3 (Fall 1997). — P. 1-23; См. также: Schwarz B. Permanent Interests, Endless Threats. Cold War Continuities and NATO Enlargement //World Policy Journal — Vol. XIV. — № 3 (Fall 1997). — P. 24-30

² Maynes Ch. The Perils of (and for) an Imperial America //Foreign Policy. — № 111 (Summer 1998). — P. 36-48.

³ Haass R. Fatal Distraction: Bill Clinton's Foreign Policy //Foreign Policy. — № 107 (Summer 1997). — P. 112-123.

рассматривал складывавшийся порядок как многополярный, «в котором Америка окажется перед вопросом, ответа на который она умудрялась не давать на протяжении почти всей своей истории: маяк она или крестonosец?» Конец холодной войны, по его мнению, породил еще большие искушения переделать мир по американскому образу и подобию, чему мешал изоляционизм при Вильсоне, СССР и сталинский экспансионизм при Трумэне. В новых условиях, писал Г. Киссинджер, у единственной сверхдержавы появилась возможность вмешательства в любой части земного шара, однако в международной системе, для которой характерно наличие пяти или шести великих держав и множество меньших центров силы, порядок должен возникнуть в основном, как и в прошлом, на базе примирения и баланса соперничающих национальных интересов.

Г. Киссинджер посчитал неправомерным утверждение о том, что мир стал однополярным или «моносверхдержавным» и что США в одиночку могут определять мировое развитие. Он высказал точку зрения, что Соединенные Штаты со временем лишатся своей исключительности, но это не должно пугать американцев и рассматриваться ими как унижение или симптом национального упадка. На протяжении значительной части своей истории, отмечал он, Соединенные Штаты были одной из многих наций, а не абсолютной сверхдержавой, и совместное использование мировых ресурсов и развитие иных обществ и экономик были типично американской задачей еще со времен «плана Маршалла»¹.

Суммировать взгляды сторонников реалистического либерализма относительно международной деятельности США можно следующим образом:

– сверхдержавное положение имеет пределы, поэтому США должны использовать свое уникальное положение не для закрепления этой позиции любой ценой, не для сколачивания противоборствующих блоков, а для встраивания в сообщество ведущих мировых держав, не ограниченное Группой семи, что позволит им наиболее выгодным образом использовать свои преимущества в экономической области и в области безопасности;

– американская модель демократии и экономики не носит универсальный характер, поэтому ее силовое продвижение Со-

¹ Киссинджер Г. Указ. соч. – С. 733-737.

единенными Штатами неоправданно, особенно в государствах, имеющих отличную от американской культуру и традиции;

– силовая политика США по урегулированию конфликтов угрожает разрушить сложившийся порядок, когда отсутствовала прямая опасность возникновения полномасштабной глобальной или региональной войны, так уже нарушается режим нераспространения ОМУ, в ряде стран существует угроза разрастания военных конфликтов;

– США не должны игнорировать международные организации, представлять НАТО единственной гарантией стабильности в мире, тем более, что в НАТО входит меньшая часть государств мирового сообщества;

– следует отказаться от иллюзии, что существует естественное желание остального мира видеть США своим лидером;

– надо использовать преимущественное положение США для построения кооперационной модели отношений между государствами и с наибольшей выгодой для них самих;

– следует делегировать полномочия по решению региональных проблем региональным структурам безопасности и региональным державам, в которых участие США может быть желательным, но не обязательным.

Одним из самых весомых аргументов критиков американской глобальной стратегии был тезис об утраченных возможностях. Отказ Соединенных Штатов воспользоваться позитивными результатами окончания холодной войны с наибольшей выгодой для всего мира и предложить более демократические принципы международных отношений и решения мировых проблем, по выражению Ч. Мэйнса, все более превращал США в страну с «поднятым кулаком». Он считал более приемлемой политику, которая направлена не на выталкивание и подавление тех держав, которые временно испытывают трудности в своем развитии (как например Россия), а на более активное интегрирование в мировое сообщество. В частности, в отношении России он призывал не расширять НАТО, не создавать условия, при которых она могла бы возродиться в качестве недружественной Соединенным Штатам державы.

Критики концепций американской гегемонии считают, что XXI век будет многополярным, ведущие мировые державы будут по-прежнему взаимодействовать и конкурировать друг с другом, их интересы будут сталкиваться и совпадать. В мире XXI века не

должно быть конфликта между сверхдержавой и ведущими региональными державами, к чему может привести политика США. Сторонники либерально-реалистического подхода убеждены, что для Соединенных Штатов было бы более приемлемым быть не гегемоном, а частью многополярного мира, так как они могли бы жить в нем более спокойно, испытывали бы меньше вызовов и получили бы гораздо больше выгод.

В целом сторонники реалистической оценки ситуации в мире и возможностей США высказывались за то, что совсем не обязательно изобретать новую модель межгосударственных отношений, тем более, что по признанию большинства внешнеполитических экспертов, поддержание однополярности в международных отношениях трудно осуществимо.

Дискуссии о глобальной стратегии США на рубеже XX-XXI веков

Дискуссии о глобальной миссии США активизировались в 2000 году в ходе подготовки и проведения президентских выборов. Оценивая состояние американской внешней политики к концу президентства Б. Клинтона, американские политологи отмечали, что будущая администрация будет вынуждена продолжать начатую демократами политику, поскольку она наилучшим образом отвечает интересам США. Отдельные внешнеполитические эксперты высказали мнение, что у республиканцев нет возможности полностью отвергнуть достижения демократической администрации и представить абсолютно новую стратегию, так как им придется действовать в рамках той же системы международных отношений, которая сложилась после окончания эпохи биполярности, и большинство процессов в области безопасности и на различных региональных направлениях происходят при американской руководящей роли¹.

Действительно, в 2000 году в американском политико-академическом сообществе наметилось сближение позиций относительно содержания, направленности и масштабов реализации глобальной стратегии США в XXI веке. Республиканская и Демократическая партии представили внешнеполитические

¹ Walt S. Two Cheers for Clinton's Foreign Policy // Foreign Affairs. — Vol. 79. — № 2 (March/April 2000). — P. 63-79.

программы, в основу которых были положены сходные идеи. В платформах обеих партий признавалось, что Соединенные Штаты — мировой лидер, на котором лежит ответственность за будущее международного развития; американские ценности и институты не имеют конкурентов, их распространение должно стать основной задачей американского руководства, а США являются сверхдержавой в военной, экономической, политической, информационной, культурной областях и должны закрепить существующее положение.

Либеральные стратеги, работавшие на демократическую администрацию, указывали, что в сложившейся к 2000 году относительно стабильной международной ситуации Соединенные Штаты могли более активно и полно воспользоваться своим уникальным положением, довершить демонтаж старого мирового порядка и сконструировать новый в соответствии с американскими идеалами и исторически сложившимися интересами. В платформе Демократической партии и других предвыборных документах демократов было записано, что американская нация является страной с самыми сильными и жизнеспособными моральными ценностями. Акцент делался на том, что в процессе своего развития США закрепили за собой роль защитника свободы и демократии, поддерживали и защищали устремления других стран к созданию демократических институтов и способствовали распространению демократических ценностей в мире. Демократы собирались продолжать политику по осуществлению основной миссии США — доказать всему миру, что ценности и законы, по которым живет американское общество, универсальны и совершенны и следование им может обогатить и облагородить народы других стран, построить мировой порядок, базирующийся на основных американских ценностях, обеспечить развитие демократии в мире¹.

¹ The 2000 Democratic National Platform: Prosperity, Progress and Peace. National Democratic Party Convention. — Los Angeles, August 14-18, 2000; America 2000. The Plan for the Future of the Democratic National Committee. Democratic National Committee. — Wash., D.C., 2000; How Would Al Gore Govern in Foreign Policy? — American Enterprise Institute, June 14, 2000; Remarks as Prepared for Delivery by Vice-President Al Gore. — International Press Institute, April 30, 2000; Al Gore: Strengthening the World's Greatest Military Force. Speech Before the Editors of the Armed Force Journal. — April 5, 2000; Transcript of Al Gore's Remarks. 50th Anniversary of NATO. — Ellis Island, April 21, 1999; President William J. Clinton State of the Union Address. — January 27, 2000.

Отмечалось, что основными положениями, в соответствии с которыми будут определяться цели и задачи внешнеполитической деятельности США должны быть следующие:

– XX век – это глобальный век, внутривополитические и международные проблемы тесно переплетены между собой и их решение требует новых подходов;

– США являются лидером для остального мира, что накладывает на страну и ее вооруженные силы особую ответственность;

– Несмотря на то, что изменилась природа и направленность вызовов глобального века, основные принципы американской внешней политики остаются прежними, такими, какими они сложились исторически. Изоляционизм и протекционизм являются, как и в прошлом, ошибочной политикой и даже еще более опасны для США в глобальном веке.

Идеологи Демократической партии, в отличие от республиканцев, которые в программных документах и публикациях первоочередное внимание уделили военным проблемам и вопросам безопасности, сделали акцент на экономических проблемах, так как именно в области экономики, по общему признанию политической элиты и рядовых американцев, администрация Клинтона добилась неоспоримых успехов. В экономической программе Демократической партии, которая была определена как «Новый курс глобального развития», отмечалось, что развитие и укрепление открытой мировой экономической системы стало важнейшим приоритетом американской глобальной стратегии, так как в XXI веке главным показателем мощи будет экономика¹. Были выделены три основные цели в глобальной экономической политике будущей демократической администрации: 1) поддерживать и развивать стратегическое партнерство со старыми и новыми союзниками, проявляя гибкость в выборе партнеров и в отношениях с ними; 2) способствовать укреплению существующих многосторонних международных экономических и финансовых структур; 3) создавать новые организации по решению международных проблем, таких как охрана окружающей среды, рынок труда, глобальное регулирование мировой информационной системы.

¹ См., например: Cutter B., Spero J., and Tyson L. New World, New Deal. A Democratic Approach to Globalization //Foreign Affairs. – Vol. 79. – № 2 (March/April 2000). – P. 80-98.

Была использована концепция «трехполюсного мира» для сферы экономики, что нашло отражение в объявлении новой более широкой формы кооперации в основном «треугольнике» США-ЕС-Япония для совместного ответа на вызовы глобализации и информационной революции. Для этой цели предполагалось создать зоны свободной торговли в непроемственной сфере (сфера услуг), в инвестировании и торговле электронным оборудованием; выработать общие правила по использованию интеллектуальной собственности и по защите прав личности; принять общие стандарты в области разработки биотехнологий, охраны окружающей среды, здравоохранения, продуктов питания; признать общие квалификационные требования к отдельным областям промышленности и профессиям. Отмечалось, что новые формы кооперации и принятия решений между тремя экономическими центрами должны способствовать укреплению существующей многосторонней мировой экономической системы, должны быть открыты для участия других стран и организаций. Было высказано предложение, что такой важный международный институт, как Группа семи, должен быть расширен, и в нее следует включить Россию, Бразилию, Китай и Индию (имелось в виду реальное, а не формальное включение в нее Российской Федерации, которая считалась членом «политической восьмерки» с 1998 года).

Основным партнером США в осуществлении «Нового курса глобального развития» была объявлена объединенная Европа (ЕС), которая в перспективе будет действовать как один экономический регион-центр. Отмечалось, что претензии Соединенных Штатов на мировую гегемонию вызвали рост антиамериканских и антиглобалистских настроений в Европе и других регионах мира, поэтому новый президент должен будет начать диалог с Европейским Союзом по формулированию «Новой трансатлантической программы» для взаимодействия в экономической, политической, военной областях. Указывалось на то, что США не могут допустить развития тенденций, которые приведут к тому, что Европа отвернется от Америки и обратит свои усилия внутрь.

Была подтверждена приверженность взаимодействию с МВФ и МБРР для повышения эффективности их деятельности путем реорганизации и увеличения открытости подготовки и осуществления проводимых программ. Указывалось, на необходимость учета возросшей роли частного капитала, использования

общественности тех стран, которым оказывается финансовая помощь, так как это будет способствовать формированию гражданского общества и институтов, от которых зависит успешное экономическое развитие этих стран.

В отношении развивающихся стран предлагалось списать все долги и увеличить ассигнования на оказание помощи в гуманитарной области, совместно с развитыми странами снизить тарифы и антидемпинговые санкции, торговые квоты; расширить сотрудничество с неправительственными организациями, роль которых возросла. Для решения одной из наиболее важных мировых проблем — экологической, демократы планировали выступить с инициативой создания Глобальной организации по защите окружающей среды.

Осуществление глобальной экономической стратегии Соединенных Штатов гарантировалось экономической мощью и влиянием в международных финансовых и экономических организациях и должно было способствовать поддержанию и росту могущества Америки на мировом уровне, расширению рынков для американской промышленности и сырьевой базы.

Республиканские политики и консервативные аналитики вторили демократам, но в более категоричной и амбициозной форме, уделив основное внимание военным вопросам и проблемам обеспечения безопасности¹. Пытаясь исправить просчеты президентской кампании 1996 года, республиканцы более основательно занялись разработкой внешнеполитической программы. Консультации со специалистами из Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета начались еще в 1998 году. Дж. У. Буш, претендовавший на пост кандидата в президенты от Республиканской партии, выступил с программной речью по внешней политике 19 ноября 1999 года в Библиотеке Р. Рейгана в Калифорнии; 23 сентября 1999 года он выступил с докладом по военной политике США.

В 1999 году Дж. У. Буш заявил следующее: «Первый соблазн — уйти от активного участия в мировых делах, замкнуться в гордой изоляции и протекционизме. В мире, который зависит от Америки, способной примирить старых врагов и сдержать старые

¹ Republican Platform 2000. Renewing America's Purpose. Together. — Philadelphia, August 1-5, 2000.

амбиции, это путь к хаосу. При таком подходе нам придется отойти от наших союзников и отказаться от наших идеалов. Оставленный нами вакуум силы приведет к появлению соблазна бросить Америке вызов. В долгосрочной перспективе это чревато стагнацией Америки и неуправляемостью мира»¹.

Основные положения внешнеполитической программы Республиканской партии были представлены К. Райс в статье «Продвигая национальные интересы» и Р. Зелликом в статье «Внешняя политика республиканцев»². Позиции, изложенные в статьях, опубликованных в «Форин афферс», отражали два подхода к решению внешнеполитических задач: Р. Зеллик выразил взгляды более умеренных республиканцев, К. Райс занимала более жесткую позицию. В речах Дж. У. Буша и в Платформе Республиканской партии в той или иной степени присутствовали оба подхода.

И умеренные, и жесткие республиканские аналитики считали, что уважение к силе должно оставаться в основе политики США. Р. Зеллик, как, впрочем, и многие эксперты из команды демократического кандидата, высказывался за сочетание свободы и коллективизма в действиях США, без ущерба американским интересам. Он настаивал на том, чтобы американская внешняя политика оставалась свободной от излишнего морализма, чем грешили демократы, чтобы региональная политика планировалась с учетом истории и особенностей развития конкретных государств, чтобы односторонние действия осуществлялись только в случае возникновения прямых угроз безопасности США. К. Райс более категорично заявляла, что мировое сообщество будет развиваться на основе американских идеалов и ценностей. По ее мнению, национальное государство перестанет играть какую-либо роль, что в перспективе приведет к исчезновению конфликтов, подобных югославскому; миром будут управлять международные надгосударственные структуры, например «небольшой директорат», в который войдут ведущие страны – США, Великобритания, Франция, Германия и Япония (фактически Группа семи). Они

¹ The Ottawa Citizen. – 1999, November 26.

² Rice C. Promoting National Interest // Foreign Affairs. – Vol. 79. – № 1 (January/February 2000). – P. 45-62; Zoellick R. A Republican Foreign Policy // Foreign Affairs. – Vol. 79. – № 1 (January/February 2000). – P. 63-78.

будут доминировать в политической, экономической, социальной областях жизни всей планеты¹.

Оценивая предвыборные документы и заявления республиканцев, К. Лейн высказал мнение, что программа международной деятельности США, представленная командой Дж. У. Буша, основывалась на идее жесткого доминирования. Политолог обратил внимание на опасное сходство между риторикой республиканцев в 2000 году и словами госсекретаря США Д. Раска, который в 1960-е годы призывал США проводить очень жесткую политику в отношении стран, которые «не хотят играть по американским правилам». Д. Раск, которого считают одним из архитекторов войны во Вьетнаме, говорил тогда, что «США могут чувствовать себя в полной безопасности только в том случае, если «глобальная идеологическая атмосфера не таит никакой угрозы»².

Придя к власти, республиканская администрация сохранила в качестве основополагающих положения о том, что мир однополюсен, США — единственная сверхдержава, американские демократические институты и ценности — самые передовые и наиболее привлекательные для других стран, желающих идти по пути прогресса, рыночной экономики и демократии. Из этого выводилась основная цель внешней политики США — закрепить победу в холодной войне и сконструировать современный международный порядок таким образом, чтобы он отвечал идеалам и интересам Америки, сохранял ее лидерство, позволял ей использовать максимум влияния на все мировые процессы, в жизненно важных регионах, на отдельные страны. В более конкретном изложении эта цель сводится к следующему: сделать все, чтобы продлить сложившееся благоприятное для США положение, еще более укрепить американские позиции в мире, создать условия, при которых вызов (или угроза) их политическому, экономическому и военному могуществу были бы сведены к минимуму и США могли бы в течение весьма продолжительного периода регулировать новые вызовы, в случае их появления.

Президент Буш и члены его администрации, как и их предшественники-демократы, заявили, что XXI век будет веком Америки, благословенным для нее, и любые попытки подрвать могуще-

¹ Цит. по: Sunday Telegraph. — 2000, January 16.

² Цит. по: The Los Angeles Times. — 1999, November 23.

ство США, угрожать им будут нейтрализоваться или пресекаться всеми доступными способами. При такой трактовке главной заботой руководства США стало обеспечение безопасности государства в военной и иных сферах (прежде всего, экономической). Вопросы обороны и безопасности заняли основное место в деятельности администрации Буша, по крайней мере в первые два года.

Подводя итоги предвыборным дебатам, политологи, писавшие в своих работах о глобальной стратегии США, пришли к выводу, что дискуссии относительно характера международных отношений и роли Соединенных Штатов в мировых процессах практически исчерпали себя. Сторонники и теоретики однополярности констатировали, что в течение почти десяти лет Соединенные Штаты оставались единственной сверхдержавой и не появились страны (или группы стран), способные оспорить американское мировое лидерство.

Налицо была готовность большей части политической элиты продолжить курс по реализации глобальной стратегии и укреплению позиций Соединенных Штатов, установилось определенное согласие среди политиков и внешнеполитических экспертов разной политической ориентации относительно методов осуществления глобальной стратегии и объектов приложения американских интересов и могущества, просматривалось стремление не допустить, чтобы какое-либо государство или группа государств смогли стать препятствием на пути реализации планов США во всех сферах международных отношений.

Отдельные политологи заявили о необходимости единения представителей разных внешнеполитических подходов, так как в сложившейся ситуации внутри страны и в мире возможно и желательно взаимодействие и сотрудничество всех политических сил, которые имеют схожие взгляды на будущее США и их внешнюю политику, независимо от их партийной принадлежности¹. К началу XXI века верх одержал компромиссный вариант концепции американского глобального лидерства, в котором сочетались элементы либерально-консервативного подхода и концепции «жесткой» гегемонии, более близкой республиканцам.

¹ Podhoretz N. Strange Bedfellows: A Guide to the New Foreign-Policy Debates // Commentary. — Vol. 108. — № 5 (December 1999). — P. 19-31.

Однако период эйфории по поводу установления однополярного мирового порядка и торжества США в качестве единственной сверхдержавы был нарушен террористическими актами в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года. Но не только. Десятилетний период относительно спокойного для Соединенных Штатов управления миром пришел к концу и в силу иных причин: усилились тенденции к сохранению большей независимости от США со стороны ведущих и второстепенных держав (что не следует отождествлять с антиамериканской оппозицией), происходила активизация деятельности отдельных региональных держав, в мире начали развиваться дестабилизирующие тенденции — распространение ОМУ, усиление региональной конфликтности, рост антиглобалистских настроений и т.д., которые не контролировались США. В американском политическом истеблишменте и в обществе происходило осознание того, что широкомасштабное лидерство дорого стоит, трудно осуществимо, что это не только декларации и подавление противодействия благим желаниям лидера, но и кропотливая каждодневная работа, требующая затрат на поддержание и реализацию этого амбициозного статуса, а также четкого определения содержания лидерства, его конечных целей и путей их достижения.

Период «стабильной однополярности», о котором писали американские политологи в конце 1990-х годов, закончился (если признать, что она действительно сложилась), сверхдержавной недостижимости США был брошен вызов гораздо раньше и совсем не оттуда, откуда его ожидали — не с территории стран-«изгоев», а со стороны надтерриториальной структуры — международного терроризма, несущего значительную идеологическую антиамериканскую составляющую.

Выводы теоретиков «стабильной однополярности» и разработчиков глобальной стратегии США для администрации Клинтона (У. Уолфорт, Дж. Голдгайер, Э. Лейк, З. Бжезинский), считавших, что продление периода однополярности зависит от Америки, оказались преждевременными. Была доказана правота тех немногих политологов, писавших в 1990-е годы о том, что не следует делать акцент на существовании одного полюса, на неуязвимости этого полюса и на праве «страны на холме» быть гегемоном и заниматься принудительным мирорегулированием. Более близкими к истине оказались те специалисты-международники,

которые предлагали ограниченные варианты американского лидерства (Ч. Купчан, К. Лейн, Д. Эбшайр), советовали не отрицать важности сохранения баланса между ведущими мировыми державами, заявляли, что стабильность системы международных отношений недостижима без взаимодействия ведущих и не только ведущих мировых акторов (Б. Брэдли, Дж. Гэддис, Дж. Кеннан, М. Мэнделбаум, Ч. Мэйнс, С. Хантингтон).

Идеологам либерально-консервативного варианта американской гегемонии, названных одним из активных участников дебатов по глобальной стратегии (и одним из ее разработчиков) Дж. Айкенберри «наивными либералами-оптимистами», пришлось признать, что предыдущие десять лет были не периодом стабильной однополярности, а периодом дрейфа Соединенных Штатов, конец которому положили трагические события сентября 2001 года. По его мнению, они оказали отрезвляющее действие на американских политиков и специалистов по международным отношениям, на их видение мирового порядка и роли США в нем. Американское руководство, прежде всего, республиканцы, поняли, что не только мир нуждается в США-лидере, но и Соединенные Штаты нуждаются в поддержке других стран для реализации глобальной стратегии¹.

Дж. Айкенберри считает, что отношения США с остальным миром должны строиться на основе двух договоренностей (сделок): Соединенные Штаты делают свою мощь безопасной для остального мира, а остальной мир дает согласие жить в порядке, в основе которого «американская система», сформировавшаяся в годы холодной войны и включавшая ведущие западные державы, среди которых сохранялось американское лидерство. В том случае, если Россия станет постоянным и надежным членом коалиции, а Китай продолжит интеграцию в мировую систему, считает политолог, может быть создана «критическая масса» мирового порядка, в основе которого отношения партнерства, принципы кооперационной безопасности и лидерство США.

Прочность «американской системы» выводится автором не только из факта победы Запада в холодной войне, но и из того, что несмотря на предсказания о возможности разбалансировки

¹ Ikenberry J. American Grand Strategy in the Age of Terror // Survival. — Vol. 43. — № 4 (Winter 2001-02). — P. 19-34.

мира после распада биполярной системы, в последовавший за этим период не сложилась антиамериканская коалиция. Возможные участники такой коалиции — Россия, Китай, Индия, а в Европе — Франция, Германия не смогли (и не захотели) выступить против США. Если США и получили болезненный удар, то в конечном итоге они не проиграли, а выиграли — они на самом деле, а не только в сознании американских лидеров и теориях академических ученых стали центром, вокруг которого сплотились все ведущие страны мира. Утвердилась не столько американоцентричная, сколько западноцентричная модель мирового порядка.

Думается, что Дж. Айкенберри умышленно отошел от категории «полюс» и «однополярность», говорит о «центрах» в мировой системе, отождествляя «центр» не с отдельной страной — США, а с группой государств — с Западом. Такой подход позволяет сохранить за США статус мирового лидера и нейтрализовать критику в их адрес за гегемонизм. Представляется, что такое объяснение более верно отражает истинное положение вещей.

С. Уолт, критиковавший тенденцию к гегемонизму в политике США, заявил, что в 1990-е годы американские политики исходили из того, что США могут проводить амбициозную политику, не требующую больших жертв и затрат. Принималось как аксиома положение о том, что мир готов следовать за Америкой и с восторгом принимает американскую модель развития и ее глобальную лидирующую роль¹. Даже лидерство США в международной антитеррористической кампании, считает С. Уолт, не дает оснований полагать, что остальной мир будет безоговорочно одобрять все их действия, что сверхдержавность исключит критику и противоречия. Это относится не только к ведущим мировым державам — Китаю, России, Индии, странам ЕС, которые вряд ли будут мириться с гегемонистскими устремлениями США, но и к другим, менее влиятельным странам, например, Турции, Пакистану, Узбекистану, Грузии, которые будут стремиться использовать ситуацию для достижения своих целей, что может не всегда устраивать лидера. По мнению С. Уолта, администрация Буша попробовала проводить довольно бескомпромиссный курс по от-

¹ Walt S. Beyond bin Laden // International Security. — Vol. 26. — № 3 (Winter 2001-02). — P. 56-78.

ношению к остальному миру, но события сентября 2001 года показали несостоятельность такой политики.

Политолог Б. Поузен, противник «жесткой» гегемонии, также утверждал, что Соединенные Штаты не сумели выработать стратегию лидерства на период после окончания холодной войны, действовали, противодействуя или игнорируя интересы других стран, взялись за решение задач, которые не имели жизненно важного для них значения — расширение НАТО, урегулирование конфликта в бывшей Югославии, целенаправленно разрушали международную систему безопасности, обещая заняться односторонним сокращением СНВ и форсируя создание НПРО. При этом позиция, например России, полностью игнорировалась, не обращалось серьезного внимания на мнение других держав. Достижение сиюминутных целей одержало верх над перспективным видением и долгосрочным планированием¹.

Б. Поузен отметил, что в дискуссиях об американской глобальной стратегии по-прежнему сохранялись разные точки зрения. Он выделил три подхода, которые обсуждались в политико-академическом сообществе после сентября 2001 года. *Сторонники первого подхода*, часто определяемого как *неоизоляционистское*, выступают за более ограниченную международную деятельность, которая снизит потребность Соединенных Штатов в помощи со стороны других стран, сделает США более независимыми от мирового сообщества. По их мнению, следовало дать беспощадный сокрушающий военный ответ на террористические акты, чтобы подобные действия в будущем не повторились, и сократить вовлеченность США в мировые дела, так как это выведет их из положения основной цели возможных атак.

Сторонников второго подхода — либералов-интернационалистов больше интересует процесс, находящийся в основе кампании по борьбе с терроризмом и ее идейное оформление. Они уделяют внимание решению таких вопросов, как роль и участие ООН; следование международному праву, отношение к террористам не только как к врагам США, а как к международным преступникам, передача их в ведение сил полиции; осуждение международным сообществом через ООН государств, поддерживающих терроризм,

¹ Posen B. The Struggle Against Terrorism: Grand Strategy, Strategy, and Tactics // International Security. — Vol. 26. — № 3 (Winter 2001-02). — P. 39-55.

их дипломатическая изоляция, введение экономических санкций, распространение эмбарго на торговлю оружием с ними; масштабы и формы использования военной силы; деятельность международного суда и возможность присоединения к нему США.

Сторонники третьего подхода — жесткие гегемонисты (в администрации Буша этот подход ассоциируется с П. Уолфовитцем, но можно также упомянуть Д. Рамсфелда и К. Райс) считают, что настало время разделаться со всеми врагами США на Ближнем Востоке и в Персидском заливе (Ирак, Сирия, Ливия) и укрепить доминирующее положение США в мире и в регионе.

Действия администрации Буша показали, что среди ее деятелей и аппарата сотрудников и экспертов не было единства мнений относительно того, какую стратегию избрать. Предпочтение было отдано «смешанной стратегии», были предприняты шаги по налаживанию сотрудничества с ведущими мировыми державами, не являющимися традиционными союзниками США (Россия, Индия), расширена территория присутствия американских военных (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, Грузия); были сделаны заявления о планах США по строительству демократии в Афганистане и других странах; но в то же время не были оставлены планы по поражению врагов США — Ирака, Ливии, Ирана; сохранилась жесткая позиция по вопросам безопасности.

Реальная жизнь толкала республиканскую администрацию к неохотному компромиссу, к принятию элементов коллективизма. Подтвердилось, что прямая военная сила и иные силовые методы воздействия (экономические санкции, оказание давления и устрашение) не всегда работают и дают желаемый результат. Более эффективным могло стать обращение к «мягкой» силе и морализму, что осуждалось республиканцами как «вильсонизм». По мнению авторитетного аналитика У. Мида, перед администрацией Буша встала задача наполнить новым содержанием международную стратегию, уделив особое внимание использованию «мягкой» американской силы, без чего было трудно сохранять поддержку международного сообщества. Он считает, что несмотря на разногласия внутри администрации, поворот в американской политике был совершен довольно быстро и имел заметный эффект¹.

¹ Mead W. Armed with a Big Stick, How Loudly May We Speak? // The Los Angeles Times. — 2001, March 4.

Однако идеи американской гегемонии, столь сильные среди неоконсерваторов, и мессианства продолжали существовать и среди членов администрации, и среди определенной части политологов. Президент Буш в «Обращении к стране» в январе 2002 года заявил, что США получили уникальную возможность — стать страной, которая служит целям более высоким и более значительным, чем собственно национальные интересы. По заявлению президента, события сентября 2001 года напомнили американцам, что у них есть обязательства не только перед страной, но и перед историей. Они начали думать больше не только о материальных вещах, но и о том, что хорошего они могут сделать для остального мира¹.

Неоконсерваторы, более всего преуспевшие в идейном оформлении концепции американской гегемонии, охарактеризовали положение в мире после начала международной антитеррористической операции как «гипер-однополярность». У. Кристол и Р. Кейган откровенно заявили следующее: «Дж. Буш стал лидером с исторической миссией, хотя пришел к власти без личных амбиций построить новый мировой порядок. Миссия “упала ему в руки” после событий сентября 2001 года и это не только миссия по борьбе с международным терроризмом, но и историческая американская миссия по глобальному преобразованию мира в соответствии с западной либеральной традицией»².

По мнению Ч. Краутхаммера, лидерство США в международной борьбе с терроризмом, неспособность ни одной из ведущих мировых держав взять на себя аналогичную миссию можно назвать одним из главных достижений Соединенных Штатов. Но одновременно это стало и самым большим испытанием для США и созданной ими системы, так как, если они не смогут защитить себя от афганских террористов, считает Ч. Краутхаммер, вся созданная после Второй мировой войны структура с открытыми границами, открытой торговлей, открытыми морями, открытыми обществами начнет распадаться. Чтобы этого не произошло, заявили соратники Дж. Буша из числа консервативных внешнеполи-

¹ The State of the Union Address by the President of the United States. Congressional Record. House. Tuesday, January 29, 2002. 107th Congress, 2nd Session. 148 Cong Rec H 98. — Vol. 148. — № 5. — P. H100.

² The Weekly Standard. — 2002, March 4.

тических экспертов, президент США должен выиграть начатую войну в качестве мирового лидера¹.

Им вторили отдельные либеральные теоретики, например, специалист по России М. Макфол, заявивший о том, что действия президента Буша были превосходным ответом на террористические акты, и предложивший администрации свою концепцию внешней политики — «доктрину свободы». По мнению политолога, как и во время холодной войны, основной миссией США становится борьба с одним из «измов» — терроризмом и целью американской внешней политики станет распространение свободы, только теперь препятствием является не коммунизм, а терроризм, имеющий также идеологическую основу. Время «крестовых походов», считает М. Макфол, не прошло, американская общемировая миссия не выполнена². Согласно его точке зрения, современный мировой порядок не может удовлетворить США, не позволяет им в полном объеме осуществить глобальную стратегию, претворить в жизнь «доктрину свободы». М. Макфол объявляет США «ревизионистской державой» и призывает руководство страны к наступательной политике по изменению мирового порядка, чтобы доделать то, что не успел сделать Р. Рейган, так как во всех оставленных без внимания регионах и странах развилась автократия или появились государства-«изгои». По мнению М. Макфола, эта борьба будет такой же долгой, как и почти вековая борьба с коммунизмом.

* * *

В начале нового столетия Соединенные Штаты не отказались полностью от политики глобального лидерства (в основном в либерально-консервативном варианте), взяли на себя миссию освобождения человечества от терроризма (как после окончания Второй мировой войны они возглавили «крестовый поход» против коммунизма и Советского Союза), продемонстрировали решимость довести до конца преобразование мира.

Однако в идейной сфере была иная ситуация. После событий сентября 2001 года многие политологи перестали давать ка-

¹ The Weekly Standard. — 2001, November 12.

² McFaul M. The Liberty Doctrine // Policy Review. — № 112 (April/May 2002). — P. 1-24.

кие-либо прогнозы и выступать с «моделями» поведения США в мире, так как уязвимость сверхдержавы ограничила (хотя бы на время) возможности дальнейшей эксплуатации концепции однополярности и гегемонии. Такое положение в академическом сообществе можно охарактеризовать как идейный кризис тех американских ученых, которые рассматривали крах СССР и распад биполярной системы как устранение последнего препятствия на пути к торжеству американской (западной) модели мирового развития. Вырисовывалась иная перспектива и становилось все более ясно, что для выстраивания нового мирового порядка потребуются время, коллективные усилия и новая идейно-теоретическая база, не обязательно совпадающая с американским видением мирового порядка и концепциями американского глобального лидерства (прежде всего с концепцией «жесткой» гегемонии).